

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (25)
2020**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2020

Редактор
Е. В. Невская

Корректор
Н. В. Пустовойтова

Технический редактор
С. Ш. Абдуллаева

Верстка оригинал-макета
Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор
А. А. Амирсейидова

Автор перевода
А. А. Ищенко
кандидат ист. наук, доцент

За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы

Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых

Адрес редакции:
600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а

Подписано в печать 30.03.20.
Заказ №

Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 10,93
Тираж 500 экз.

Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии
«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиозно-
ведения (зам. главного редактора серии)
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионове-
дения Исторического факультета СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогического
государственного университета
- С. А. Мартынова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Т. Л. Лабутина**
Крестьянская война Емельяна Пугачева в описаниях британского посла Роберта Ганнинга 5
- А. Г. Лапшин**
Вербальная формула «суздальского змеевика» 16
- Н. С. Скоробогатых**
Правозащитное движение коренного населения Австралии: прошлое и настоящее 25

ФИЛОЛОГИЯ

- К. М. Абишева, Р. А. Айкенова, К. Х. Абдрахманова, М. К. Ертаева**
Информационно-коммуникативное пространство города и проблемы его безопасности 37
- Т. Ф. Кузенная, С. Н. Бабулевич**
Особенности вербализации лингвокультурной аксиологической категории «любовь» в разножанровых памятниках письменности конца XIV – середины XVII в. 43
- Н. Н. Левина, М. М. Акашкин**
Способы авторского осмысления производственной тематики в русскоязычной повести Мордовии 48
- Н. В. Лешкова**
Синтаксические особенности православной проповеди 55
- Т. В. Федотова**
Концепт и концептосфера в аспекте систематизации топонимического пространства 61

ФИЛОСОФИЯ

- Е. И. Аринин, М. С. Лютаева**
Индийские храмы династии Хойсала (Hoysalas) XI – XIV вв. как пример отражения динамики социальной системы религии в пластических формах 71
- О. В. Арсенина**
Актуализация феномена социального служения в контексте межконфессионального диалога (региональный аспект) 78
- Л. Е. Жукова**
Понятие дхармы в поэме «Бхагавад-гита» 85
- Сведения об авторах** 92

CONTENTS

HISTORY

- T. L. Labutina**
Emelyan Pugachev's Peasant War in the Descriptions of the British
Ambassador Robert Gunning..... 5
- A. G. Lapshin**
Verbal Formula of the «Suzdal Hystera-Amulet» 16
- N. S. Skorobogatykh**
Australian Aboriginal Human Rights Movement: the Past and the Present..... 25

PHILOLOGY

- K. M. Abisheva, R. A. Aikenova, K. H. Abdrahmanova, M. K. Ertaeva**
Information and Communication Space of the City and its Security Problems 37
- T. F. Kuzennaya, S.N. Babulevich**
Representation of Linguocultural Axiological Concept of «Love»
in Written Records of Diverse Genres Existing in the XIVth-XVIIth Centuries 43
- N. N. Levina, M. M. Akashkin**
Ways of the Author's Understanding of the Production Theme
in the Russian-Language Novella of Mordovia 48
- N. V. Leshkova**
Syntactic Features of Orthodox Preaching 55
- T. V. Fedotova**
Concept and Conceptosphere in the Aspect of Toponymic
Space Systematization 61

PHILOSOPHY

- E. I. Arinin, M. S. Lyutaeva**
Indian Temples of the Hoysal Dynasty (Hoysalas) of the XIth-XIVth Centuries
as an Example of the Religious Social System Dynamics Reflection
in Plastic Forms..... 71
- O. V. Arsenina**
Actualization of the Social Service Phenomenon in the Context
of Interfaith Dialogue (Regional Aspect) 78
- L. E. Zhukova**
The Notion of Dharma in the Poem «Bhagavad-gita» 85
- Contributors** 92

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В ОПИСАНИЯХ БРИТАНСКОГО ПОСЛА РОБЕРТА ГАННИНГА

Статья посвящена анализу дипломатической переписки британского посла при дворе Екатерины II Роберта Ганнинга с государственным секретарем Великобритании, в которой содержится описание событий, связанных с восстанием под предводительством Емельяна Пугачева (1773 – 1775 гг.). Посол освещал ход восстания, меры, принятые императрицей по подавлению мятежников, казнь Пугачева и его приспешников, а также последующие действия правительства, направленные на достижение общественного спокойствия в стране. Автор приходит к выводу о том, что хотя описания британского посла Крестьянской войны и не содержали глубокого анализа ее причин, тем не менее явились ценным источником, дополнявшим другие свидетельства очевидцев, что в конечном счете способствовало созданию объективной картины происходившего.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, посол Роберт Ганнинг, Крестьянская война 1773 – 1775 гг., Емельян Пугачев.

Дипломатическая переписка британских послов при русском дворе, помимо информации о том, как велись переговоры по важным вопросам двусторонних отношений государств, содержит богатый фактический материал по истории внутренней политики России. В донесениях дипломатов освещаются также важные события, происходившие во время их пребывания в стране. Между тем указанный источник еще недостаточно используется в работах современных ученых. В своей статье мы обратились к анализу донесений в Лондон одного из британских послов Роберта Ганнинга, касающихся

Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, очевидцем которой ему довелось быть.

Поскольку биографию и дипломатическую деятельность британского посла, находящегося при дворе Екатерины II, в свое время мы освещали [3, с. 5 – 15], то здесь мы ограничимся лишь кратким изложением его жизненного пути и профессиональной деятельности в России.

Роберт Ганнинг (1731 – 1816) происходил из древнего ирландского рода. В историю Великобритании он вошел как профессиональный дипломат. Его первые шаги на дипломатиче-

ском поприще состоялись в Дании, куда он прибыл в апреле 1766 г. Ганнинг был назначен помощником чрезвычайного и полномочного посла, а в феврале 1768 г. уже занял пост своего предшественника. Спустя три года он был переведен в том же ранге в Пруссию ко двору Фридриха II. 13 декабря 1772 г. Ганнинга направили в Россию, где он занимал должность чрезвычайного и полномочного посла вплоть до 1776 г.

Отправляясь в Россию, Роберт Ганнинг получил королевские инструкции относительно целей своей миссии. Первая из них касалась переговоров о пролонгации союзного оборонительного договора, заключенного между государствами в 1742 г. сроком на 15 лет. Вторая содержала предложения о возможном посредничестве британцев в переговорах о мире между Россией и Турцией после войны, продолжавшейся с 1768 года. Однако справиться с порученными заданиями Ганнинг так и не сумел. По сути дела, его миссия оказалась провальной [4, с. 50 – 66]. В то же время его депеши, отправляемые государственному секретарю в Лондон, не утратили особой ценности для наших современников, поскольку содержали свидетельства посла о важных событиях, происходивших в ту пору в екатерининской России. Одним из таких событий явилась крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева (1773 – 1775) [1, 5].

26 октября 1773 г. Ганнинг докладывал госсекретарю графу Саф-фолку: «На днях происходило экстра-

ординарное заседание Совета¹, как говорят, вследствие полученных известий о новом восстании в земле войска Донского и в Оренбургской губернии, где отказались от рекрутского набора. Тотчас по окончании заседания генерал Бауэр выехал, как полагают, на место возмущения. Выбор этого офицера заставляет меня предполагать, что ему поручено вести с инсургентами переговоры, не прибегая к мерам насильственным» [2, с. 381].

Несмотря на то, что власти держали известия о происходящих событиях в Оренбургском крае в тайне, информация о них все же доходила до иностранцев. Секретарь британского посольства Ричард Оакс извещал Лондон о том, что один казак воспользовался «неудовольствием Оренбургского края, для того чтобы выдать себя за покойного императора Петра III, и что число последователей этого претендента так велико, что произвело опасное восстание этих губерний». 5 ноября 1773 г. Оакс дополнил свою информацию. Он подчеркивал, что вести, получаемые с места событий, «все более и более неблагоприятны». На днях из Казани прибыли три курьера. Говорят, что число казаков, последователей претендента, уже превосходит 25 тыс. человек, которые опустошают страну и грабят ее жителей, и что они повесили

¹ Совет при Высочайшем дворе был создан по инициативе Екатерины II в качестве постоянного консультативного органа для координации военных действий и внешнеполитических мероприятий после объявления войны Турцией.

коменданта русской крепости. Опасаются нападения на Оренбург. Оакс сообщал о принятых императрицей мерах: «Назначено еще два полка в прибавление к войску, уже высланному против них, и туда же отправлена на почтовых лошадях артиллерия». Англичанин полагал, что указанные события внушают серьезные опасения, поскольку непременно отразятся на наборе рекрутов и произведут негативное впечатление на Порту. В то же время он считал, что само восстание, а также его последствия «преувеличены бурбонскими министрами» и что в письмах, получаемых со всех сторон, «с беспокойством спрашивают об этом деле» и, по-видимому, придают ему гораздо большее значение, чем оно значит в действительности. Оакс обращал внимание на то, что войска императрицы, посланные на подавление восстания, страдают от дизентерии, множество людей уже погибло, и даже сам фельдмаршал сильно пострадал [2, с. 381 – 382].

В депеше от 12 ноября 1773 г. уже сам посол Роберт Ганнинг сообщал скудную информацию о предводителях восставших, обращая внимание на то, что тот выдавал себя за императора Петра III. Емельян Пугачев являлся раскольником из казаков, был заключен в тюрьму за преступления в Казани, откуда ему удалось бежать. К нему присоединилось немало «последователей этой секты». Посол полагал, что в этой местности войска рассеяны, а потому потребуются немало времени для умирения мятежа. Более всего

власти опасаются затруднений, «которым оно отзовется на рекрутском наборе».

29 ноября Ганнинг отправил новое послание в Лондон, в котором высказывал опасения за судьбу Оренбурга, который мог оказаться в руках мятежников: «Если бы это случилось, это имело бы ... гибельные последствия для страны, а в особенности для английских купцов по причине большого количества товаров и металлов, получаемых в этой местности». Теперь, продолжал посол, правительство императрицы сознает, до какой степени был неудачен выбор Бауера, «офицера, никогда не встречавшегося с врагом, и который до того испугался усмотренных им затруднений и опасностей, что уже покинул свой пост и удалился в Москву». Вместо него назначен генерал Бибиков, которому предписано тотчас же отправиться в Оренбург, не соединяясь с главной армией. Мятежники уже захватили несколько серебряных рудников, и правительство весьма опасается, чтобы они не овладели остальными. «Это возбуждает сильное беспокойство в императрице и в ее министрах, – свидетельствовал Ганнинг, – тем более что это несчастье явилось вследствие их небрежности и недостатка благоразумных распоряжений». Более всего осуждают графа Захара Чернышева, которого казаки обвиняют в том, что по его повелению был арестован их атаман, что и послужило поводом к их неудовольствию. «Трудность усмирить мятеж доказывает, до какой степени

беззащитны границы этой империи», заключал посол [2, с. 385, 392].

Между тем восстание набирало силу. 6 декабря Ганнинг с тревогой сообщил: «Непосредственное сообщение с Оренбургом было так долго прервано, что почти не приходит оттуда уже десять почтовых дней; поэтому все известия о движении инсургентов доходят к нам через Казань и с каждым днем принимают все более и более устрашающий характер. Торговля с Китаем совершенно прервана. Большое количество медных пушек, отличных на казенных литейных заводах, достались в руки мятежников, разрушивших несколько железных заводов, в том числе один из заводов Демидовых, крепостные и крестьяне которых присоединились к бунтовщикам; опасаются, что это повторится и в других местах. Вместе с казаками и во главе восстания находятся три лица, так искусно переодетых, что их невозможно узнать, полагают, что они главные двигатели всего этого дела и что ими составлены воззвания, распространенные другими. Подозревают, что это гвардейские офицеры, изгнанные отсюда в продолжение нынешнего царствования». Примечательно, что Ганнинг, как и секретарь посольства Оакс, обращал внимание на последствия восстания для рекрутского набора, что особенно волновало правительство. Подобные события, неприятные во всякое время, отмечал посол, особенно неблагоприятны в настоящее время, поскольку прекращают рекрутский набор, «ибо всякая попытка произведе-

сти набор в этих губерниях побудила бы крестьян присоединиться к недовольным» [2, с. 392 – 393].

По мере разрастания восстания императрица, сознавая его опасность, начала принимать решительные меры. 27 декабря Ганнинг сообщает о «поспешности», с которой были двинуты полки и перевезены пушки. «Покажется почти невероятным, когда я сообщу Вам, милорд, – докладывал он Саф-фолку, – что полк гусар дошел отсюда до Москвы в десять дней, а орудия были перевезены туда на почтовых лошадях в шесть дней... Быстрота эта вместе с деятельностью генерала Бибикова, под начальством которого ... двинуто 1 тыс. 600 чел., кроме войска пограничного, уже произвела некоторое действие». Курьер, которому удалось избежать бдительности инсургентов, привез известие о том, что многие из мятежников разбежались. Губернатор Оренбурга «уверяет двор, что если только он получит своевременный подвоз провианта, то он отвечает за крепость» [Там же, с. 395]. Императрица подписала манифест против мятежников, но обнаружение его пока приостановлено.

Начало 1774 г. ознаменовалось новыми столкновениями мятежников с войском. 24 января Ганнинг информировал Саффолка о том, что возмущение в Оренбургской губернии и его размеры причинили императрице «много беспокойства». Генерал Бибиков заявляет, что ему необходимо подкрепление кавалерии, так как форсированный марш гусаров, о котором по-

сол упоминал в предыдущем послании, значительно уменьшил этот корпус. Между тем местные жители озаботились своей судьбой и начали предпринимать меры, направленные на поддержку войска. «Казанская губерния, – сообщал Ганнинг, – решила выставить на собственный счет конный отряд на службу правительства, и, можно надеяться, что помощь эта доставит генералу возможность не только защитить эту губернию от вторжения мятежников, но и не допустить их укрепиться в Сибири, если бы таково было их намерение». А далее посол рассуждал: «Если бы первоначально вместо того чтобы остановиться в Оренбурге, они направили путь свой на Казань, а оттуда в Москву, не дав войскам время собраться для защиты, правительство очутилось бы в весьма затруднительном положении. Но, судя по его действиям, начальник их не обладает большими способностями» [2, с. 398].

Постепенно правительственные войска стали теснить мятежников. Об этом Ганнинг сообщал 11 февраля 1774 г. «В нескольких стычках, происходивших между авангардом армии генерала Бибикова и мятежниками, последние до сих пор были постоянно разбиваемы. Войска, как кажется, до того восстановлены против них, что несмотря на самое положительное приказание щадить жизнь тех, кто сдастся, невозможно принудить к этому солдат» [Там же, с. 399]. Вскоре в военных действиях наступил перелом. 25 марта Ганнинг информировал официальный Лондон о том, что двор полу-

чил «приятное известие»: войско под начальством генерала Бибикова напало в 150 верстах от Оренбурга в Сорочинске на главный корпус мятежников под началом самого Пугачева и «совершенно разбило их». 17 апреля от генерала Бибикова прибыл курьер и привез «весьма приятное известие, вследствие совершенной победы, рассеявшей все мятежное войско» 25 марта в селе Тащице в 36 верстах от Оренбурга. Ганнинг приводил сведения о потерях, которые понесли обе стороны: было убито 2 тыс. мятежников, взято в плен 3 тыс. человек. Со стороны войска потери составили: убитыми 4 офицера и 200 солдат, ранеными 12 офицеров и 500 или 600 солдат [2, с. 408 – 409]. Предводитель восставших Пугачев сумел бежать.

Тем временем успехи в продвижении правительственных войск замедлились из-за внезапной кончины генерала Бибикова. Ганнинг высоко отзывался о честности, искреннем патриотизме, обширных военных познаниях офицера, полагая, что все это принесло ему «заслуженное право на доверие его государыни». Посол высказывал предположение, что смерть Бибикова не только «возбудит дух инсургентов», но что еще хуже, «повлечет за собой измену в рядах русских войск». «Положительно известно, – сообщал он в Лондон 26 апреля 1774 г., – что полк, состоящий под начальством молодого князя Долгорукого, был удержан от дезертирства единственно с помощью его щедрости; и в настоящую минуту сильно распространяется

слух,.. будто бы Пугачев до сих пор имеет под начальством до 8 тыс. человек и направляется к Оренбургу» [2, с. 441]. 16 мая в очередном послании Ганнинг докладывал, что, судя по дошедшим до него слухам о ходе событий в Оренбургской губернии, он убежден в том, что «положение этого дела далеко не так благоприятно, как доказывают и распространяют русские министры. Пугачев еще не сложил оружия, и не исключено, что это продлится долго. «Потеря генерала Бибикова положительно незаменима», – заключал дипломат.

Столкновения правительственных войск с мятежниками продолжались и в последующие месяцы. 17 июня 1774 г. двор объявил, как сообщал Ганнинг, что мятежники, состоящие под началом Пугачева, разбиты, у них отнято несколько пушек, но сам он и на этот раз сумел спастись бегством вместе с небольшим числом своих приверженцев. «Мне передавали, – продолжал посол, – что из бумаг генерала Бибикова оказывается, что, по его мнению, невозможно подавить этот мятеж одной только силой оружия, но что необходимо отыскать какое-либо средство удовлетворить народ, имеющий справедливые основания к жалобам» [Там же, с. 414, 418].

Примечательно, что, освещая ход событий восстания Пугачева, посол впервые затронул вопрос о его участниках (народ) и причинах (жалобы), которые, на его взгляд, были справедливы. Для выяснения причин недовольства князь Потемкин был от-

правлен в Оренбургскую губернию. И даже сама императрица, сообщал дипломат, намеревается объехать ту часть своих владений, где в настоящую минуту происходят беспорядки.

Спустя месяц Ганнинг приходил к заключению: «Пугачев не только не усмирен, но сильнее, чем когда-либо;... правительство ...не в силах защитить даже свои собственные рудники, не только рудники частных лиц. Мятежник этот повсюду, где появляется, распространяет ужас и опустошение и... кажется, намеревается исправить свою первоначальную ошибку и подвигается на Казань и на Москву, т. е. к самому сердцу империи, где, как можно опасаться, он найдет много недовольных» [2, с. 422].

Настроение в российском обществе, особенно среди высших его слоев, оставалось тревожным. По признанию Ганнинга, повсюду царило «общее уныние». И лишь известие о завершении войны с Портой на время успокоило подданных императрицы. Однако это продолжалось недолго. Уже 24 июля 1774 г. Ганнинг свидетельствовал о недовольствии, которое повсеместно и ежедневно усиливается до такой устрашительной степени, что опасения многих должностных лиц побудили их обнаружить перед императрицей действительное положение дел, объявив при этом, что они не в силах далее управлять государством иначе, как если будут приняты какие-либо необычайные меры. Получив известие о том, что Казань сожжена Пугачевым, императрица решила отправиться в Москву.

Между тем правительственные войска начали более активно теснить мятежников. «Московские тюрьмы положительно переполнены огромным количеством бунтовщиков, арестованных в последнее время, – докладывал Ганнинг в Лондон 12 августа 1774 г., – и я опасаюсь, что потребуются иные средства для успокоения существующих там крамол и неудовольствий». Посол сомневался в том, чтобы «любимец» императрицы (князь Григорий Потемкин – *Т. Л.*) был в состоянии указать на лучшие средства для достижения этой цели. «Мне кажется, – писал Ганнинг, – что он не обладает теми качествами и способностями, которые обыкновенно приписывались ему, но, напротив того, заявляет большое легкомыслие и пристрастие к самым пустым развлечениям» [2, с. 431].

Анализируя ход событий, посол приходил к заключению о том, что мятеж, приписываемый до сих пор Пугачеву и нескольким его последователям, в сущности, «обнаруживает обширное восстание самого тревожного характера». 29 августа он доносил Саффолю: «Здесь всячески стараются заглушить слухи о том, что происходит... но это невозможно; по-прежнему преобладает всеобщее неудовольствие; дней 10 тому назад московский губернатор был поставлен в необходимость стрелять по простому народу, собравшемуся шумной толпой и не сдававшемуся ни на какие убеждения разойтись». Пугачев, куда бы он ни направлялся, постоянно встречает единомышленников; и потому, несмотря на то что «шайки его

разбиваются при каждой встрече с войсками, он без всякого труда набирает новые и столь же многочисленные толпы» [2, с. 433].

Тем временем в Москву продолжали доставлять арестованных мятежников. Ганнинг сообщал, что из их числа было повешено 18 человек, «что составляет первый пример подобного рода казни в продолжение этого царствования». Он отмечал, что многие были схвачены всего лишь потому, что «пили за здоровье Пугачева». Недавно сам главный «бунтовщик» побывал в Саратове и «совершенно уничтожил эту колонию (заселенную немцами – *Т. Л.*), единственную процветающую из всех, основанных в этой стране».

Надо отметить, что сообщение Ганнинга от 12 сентября 1774 г. отличалось аналитическим характером. Посол информировал Саффолю о том, что полковник Михельсон встретил Пугачева между Царицыным и Астраханью и, сразившись с ним, разбил его на голову, отнял у него все снаряды, орудия и запасы, но что сам Пугачев по обыкновению сумел спастись. Описывая императрице положение дел в тех губерниях, откуда курьер полковника прибыл, он сообщил ей «с откровенностью», что «неудовольство народа почти повсеместно... низшие классы, начиная от стен самой столицы, называют Пугачева не иначе как Петром Третьим... дворянство и духовенство начинают жаловаться, что они равно страдают от императорских войск и от войск Пугачева, и что сле-

дует употребить все средства для успокоения ныне возбужденных неудовольствий». Желательно, продолжал курьер, чтобы это удалось исполнить в продолжение приближающейся зимы; «ибо, если, как опасаются многие, окажется недостаток в зерновом хлебе, трудно определить, до каких крайностей может быть доведен народ» [2, с. 434].

Наконец, восстание под предводительством Пугачева было подавлено, о чем 26 сентября 1774 г. посол уведомил свое начальство. «... Мятеж прекращен, и спокойствие империи восстановлено арестом мятежника Пугачева, столь долго нарушавшего это спокойствие, – сообщил Ганнинг. – Вышеупомянутый изменник был связан по рукам и по ногам несколькими яицкими казаками, бывшими его соучастниками, которые уведомили генерала Панина о том, что он находится в их руках и о своей готовности покориться. В настоящее время генерал находится в Пензе, городе, который «более всех прочих участвовал в восстании и первый объявил себя на стороне бунтовщика. Жители просили о помиловании и получили его, за исключением 15 наиболее виновных, которые повешены» [Там же, с. 436, 437].

Вскоре Ганнингу удалось повидаться с императрицей, из разговора с которой он узнал, что подавление восстания оказалось не таким быстрым делом, как того ожидали, поскольку в нем оказалось замешано множество лиц, а это «чрезвычайно усложняет следствие». Из другого источника по-

слу стало известно, что императрица уполномочила членов Сената решить судьбу Пугачева, «как они признают нужным». Тем самым исчезала всякая надежда на милосердие, которое, как заявила императрица в разговоре с послом, «в настоящую минуту было бы неуместно» [2, с. 438, 439].

12 января 1775 г. Ганнинг извещал графа Саффолка о казни Пугачева. Казнь «была совершена в самой многолюдной части города и со всевозможной торжественностью, – сообщал дипломат. Когда он взошел на эшафот, приготовленный для этого случая, подробности его преступлений и приговора были дважды громко прочитаны. После того он в короткой речи сказал народу, что он не то лицо, за которое выдавал себя, но донской казак по имени Пугачев. Казалось, что он сознавал свою вину и справедливость приговора, состоящего в том, чтобы отрубить ему сначала руки и ноги, а потом голову; он перенес первую часть казни с большой твердостью». Помимо Пугачева, той же участи подвергся один из главных его соучастников – Перфильев, «с той разницей, что ему отрубили голову прежде членов». Еще три мятежника были повешены, 18 человек наказаны кнутом, после чего им вырвали ноздри и сослали в Сибирь. В завершение казни голова Пугачева была выставлена на пике над телегой, а его члены – в четырех кварталах города. Затем останки мятежника должны были сжечь вместе с эшафотом. «Во все время продолжения казни не произошло ни малейшего шума, и, по-

видимому, спокойствие совершенно восстановлено, – заключал свое повествование Ганнинг. – Я слышал, что по всем губерниям, где происходило последнее возмущение, обнародовано всеобщее прощение» [2, с. 446, 447].

Информация Ганнинга о восстании под предводительством Емельяна Пугачева подтверждает, что оно было достаточно массовым, а потому вызвало серьезное беспокойство властей. Однако посол не касался ни главных причин указанного события, ни его участников, ни его характера. Складывается впечатление, что его больше интересовала внешняя канва, нежели действительная суть происходящего. Ганнинг практически не обратил внимания на тот факт, что Пугачев, хотя и выдавал себя за Петра III, нередко упоминал имя его сына, Павла Петровича, и что в рядах мятежников были замечены голштинские знамена. Емельян Пугачёв заявлял, что после победы над правительством Екатерины царствовать не желает и хлопочет только в пользу Павла Петровича. У Пугачева имелся портрет Павла, к которому он часто обращался, произнося здравицы за его здоровье. Как видно, в результате народного восстания могло произойти изменение престолонаследия с возведением на трон Павла Петровича, а этого императрица серьезно опасалась.

Отзвуки крестьянской войны еще какое-то время отражались в донесениях посла. Так, 26 января 1775 г. Ганнинг сообщал о широком недо-

вольстве, царившем в российском обществе. «Характер и расположение этого народа таковы, – писал дипломат в очередном донесении в Лондон, – что коль скоро он не чувствует ежедневно всей силы власти, он забывает о самом существовании этой власти». На его взгляд, к счастью для государыни, «злодей» Пугачев, «наделавший в последнее время столько беспорядка и опустошений», не догадался или не был бы «кем-нибудь научен» прийти в столицу. Если бы он решился на это, то, на взгляд Ганнинга, «к нему присоединилась бы вся чернь, и ... природная робость большей части дворян помешала бы им принять против него меры; а при таких обстоятельствах бунт распространился бы по всей империи» [2, с. 449].

Подавив восстание и жестоко расправившись с его зачинщиками, Екатерина II, понимая серьезность сложившегося положения и опасаясь новых выступлений народных низов, либо дворцового переворота в пользу сына, решила принять ряд мер, чтобы успокоить общество. Об этом Ганнинг информировал графа Саффолка в депеше от 26 марта 1775 г. «Ее Императорское Величество на днях сильнейшим образом доказала постоянное внимание, с которым она относится к благополучию своих подданных, отменив различные подати, что уменьшило ее доход на миллион рублей». Это, на взгляд посла, доказывало «цветущее состояние империи, несмотря на удары, понесенные ею, и мудрость мер, которым следует главным образом

приписать подобный порядок вещей» [2, с. 453]. Были отменены налоги, установленные во время Русско-турецкой войны, которые платили купцы и ремесленники, а также печной налог в железном и медном производстве, налоги на кожевенное производство, мыловарни, салотопление, маслобойни, частные соляные варницы, муку, хмель и др. В том же указе содержался ряд распоряжений о местном управлении. В частности, разрешалось без согласия губернаторов городов или губерний вступать в брак; отменялись подати, выплачиваемые «для получения этого позволения» [Там же, с. 454, 455].

Особое место в распоряжениях императрицы отводилось мерам, связанным с амнистией участников крестьянской войны. «Всем лицам, замешанным в последнем мятеже, – отмечал Ганнинг, – объявлено всеобщее помилование, причем объясняется, что все, касающееся до этого события, будет предано забвению; кроме того, объявляется свобода всем, заключенным в тюрьму за какие бы то ни было преступления в продолжение десяти лет, в течение которых над ними еще не был произнесен приговор, и всякое преступление, совершенное более 10 лет тому назад и обнаруженное в течение этого периода времени, признается уже не подлежащим расследованию». Кроме того, все несостоятельные должники, заключенные в продолжение пяти лет, также освобождаются от наказания [Там же, с. 453 – 456].

Однако императрица не ограничилась указанными мерами. В послании Саффолку от 6 апреля 1775 г. Ганнинг отмечал: принимая во внимание убытки, понесенные губерниями, бывшими местом восстания, Ее Императорскому Величеству «угодно было выдать им заимообразно полтора миллиона рублей сроком на 10 лет, с условием выплачивать по одному проценту в течение первых трех лет и по три, в течение остальных семи лет». Эта сумма, пояснил посол, предназначалась к раздаче владельцам крестьян в размере 40 руб. на каждого человека, «которых они лишились вследствие последнего мятежа» [2, с. 457].

Судя по перечисленным дипломатом мерам, принятым Екатериной II, она стремилась успокоить тем самым все слои общества от низов до верхов, не прибегая, впрочем, к кардинальным мерам. И ей это удалось. Во всяком случае, события 1773 – 1775 гг. явились последней крестьянской войной в истории России и не только в правление Екатерины II.

Описание британским послом указанного события, хотя и не содержали глубокого анализа его причин, все же явились ценным источником, дополнявшим другие свидетельства очевидцев восстания под предводительством Е. Пугачева, что в конечном счете способствовало созданию объективной картины происходящего.

Библиографические ссылки

1. Буганов В. И. Пугачёв. М., 1984.
2. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XIX. СПб., 1876.
3. Лабутина Т. Л. Война за независимость североамериканских колоний в дискурсе британской и российской дипломатии // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки, 2018. № 2 (18). С. 5 – 15.
4. Лабутина Т. Л. Дипломатическая миссия британского посла Роберта Ганнинга в России в 1770-е годы // Локус. Люди, общество, культуры, смыслы. М., 2018. № 3. С. 50 – 66.
5. Трофилов Е. Н. Пугачёв. М., 2015.

T. L. Labutina

**EMELYAN PUGACHEV'S PEASANT WAR IN THE DESCRIPTIONS
OF THE BRITISH AMBASSADOR ROBERT GUNNING**

The article analyzes the diplomatic correspondence between the British Ambassador at the court of Catherine II Robert Gunning and the British Secretary of State, which contains a description of events related to the uprising led by Emelyan Pugachev (1773 – 1775). The Ambassador covered the course of the uprising, the measures taken by the Empress to suppress the rebels, the execution of Pugachev and his henchmen, as well as the subsequent actions of the government aimed at achieving public peace in the country. The author comes to the conclusion that although the British Ambassador's descriptions of the peasant war did not contain an in-depth analysis of its causes, they were nevertheless a valuable source that supplemented other eyewitness accounts of it, which ultimately contributed to creating an objective picture of what was happening.

Keywords: Great Britain, Russia, British Ambassador Robert Gunning, the Peasant war of 1773 – 1775, Emelyan Pugachev.

ВЕРБАЛЬНАЯ ФОРМУЛА «СУЗДАЛЬСКОГО ЗМЕЕВИКА»

«Суздальский змеевик» – обоюдовыпуклый круглый медальон из кровавой яшмы с изображениями и надписями на обеих сторонах. На одной его стороне расположены поименованные изображения Семи отроков эфесских и молитвенные надписи о даровании животворного сна и преодолении лихорадки. Соседство изображения и надписи неслучайно: обращения к Семи отрокам эфесским при лечении болезней зафиксированы в медицинских формулах-заклинаниях X – XIV вв. на латинском языке. Стилистическая и смысловая близость латинских формул и русских надписей «Суздальского змеевика» дает основание говорить о единой магиико-медицинской традиции средневековой Европы.

Ключевые слова: амулет-змеевик, молитвенная надпись, вербальная формула, восстановительный сон, лихорадка, средневековая медицина, Семь отроков эфесских, Суздаль, Лондон.

Лечебные практики в средневековой Европе часто рассматриваются как одна из форм магии [18, с. 92 – 107]. Эти практики были комбинированными: лечебный эффект достигался точным соблюдением рецепта, который кроме фармацевтической составляющей имел еще и вербальную. Так, в ряде рецептов сборника *Лакнунга* (*Lacnunga*) предписано многократное произнесение молитв, пожеланий, заклинаний, заговоров при изготовлении смесей из лечебных трав, перемешанных с помощью особой палочки/ложки с именами евангелистов (Матфей, Марк, Лука и Иоанн) [16, с. 65 – 66]. Молитвы, пожелания и заговоры были вербальными формулами. Их произнесение было регламентировано: вслух, четко, без искажений, многократно, при изготовлении лекарства или про-

цедуры лечения. Молитвы, как правило, были просьбами об излечении, обращенными к Господу, Христу, Богородице, какому-либо святому. Пожелания были обращены к пациенту (или отдельным органам его тела) и фиксировали желательность чего-либо – например, отсутствие болей в желудке. Заклинания были нацелены на противодействие болезни, понимаемой как результат вселения в тело человека беса или демона тьмы (экзорцизм). В повседневной жизни средневековой Европы целители (миряне и церковники) широко применяли рецепты подобного рода.

Важное место в магиико-медицинских практиках Средневековья занимали амулеты – предметы, которым приписывались магические свойства. Использование медицинских амулетов

было одним из видов актуализации индивидуумом религиозного и естественно-научного опыта социума, к которому он (индивидуум) принадлежал. В таком контексте амулет – это артефакт, воплощающий знания эпохи, в которую он был создан и/или использовался. Важно отметить, что амулет в подавляющем большинстве случаев создавался одним человеком, а использовался другим – т. е. амулет был товаром. Ценность амулета зависела от многих факторов: 1) эффективность магического действия, 2) материалы и технологии, использованные при изготовлении, 3) история владельцев, судьбы которых подтверждали эффективность артефакта. Европейский рынок амулетов был разнообразным – от примитива до высокохудожественных произведений ювелирного искусства. Наиболее дорогими амулетами были те, что имели широкий спектр применения (противодействовали многим недугам) при индивидуализированном защитном эффекте, который достигался за счет включения имени владельца в вербальную формулу. Амулеты именно этой группы представляли собой материализацию передовых знаний (естественно-научных и религиозных) и технологий своего времени, т. е. понимались современниками как высокотехнологичные инструменты в борьбе с недугом/демоном.

Большой типологической группой амулетов средневековой Руси являются «змеевики» – металлические или каменные медальоны с изображениями на обеих сторонах: на одной

стороне – христианский образ, на другой – образ существа с головой/телом женщины, из которого исходят от 6 до 14 змеевидных/драконоподобных существ. Некоторые из этих амулетов-змеевиков имели надписи на греческом и/или русском языках. Иногда в надписях упоминаются имена владельцев – мужчин и женщин. Форма медальонов варьировалась: округлая, овальная; реже – восьмиугольная, кривая; очень редко – четырёхугольная. Эти медальоны появились в Византии, пришли на Русь в конце Раннего Средневековья (вместе с христианской греческой ученостью), были адаптированы в древнерусской культуре и использовались долгое время – до XIX в. После революций большая часть древнерусских амулетов-змеевиков была передана в музеи. Амулеты-змеевики Византии и Древней Руси многократно были предметом исследования. Публикации по данной теме многочисленны и разнообразны. При этом работ, представляющих общую картину, всего две: монография Т. В. Николаевой и А. В. Чернецова [9] и объемная статья Дж. Спира [19], вышедших почти одновременно в начале 90-х гг. XX в. За почти тридцать лет, прошедших после этих публикации, материалы по данной проблеме значительно расширились.

Особое место среди византийских и русских амулетов-змеевиков принадлежит медальону, который принято называть «Суздальский змеевик». В настоящее время амулет выставлен в витрине зала № 10 «Удельный период Руси. XII – первая полови-

на XIII в.» экспозиции Главного здания Государственного исторического музея (г. Москва, Россия). В Электронном каталоге музейных предметов ГИМа змеевик значится в коллекции «Драгоценные металлы» и имеет инвентарный номер 19726/ОК 15560.

«Суздальскому змеевику» посвящена довольно объемная историография на русском и иностранном языках. Об этом предмете заговорили сразу после его открытия в 1866 г. и публикации в 1875 г. Настоящая статья представляет результаты второго этапа работы по теме «Суздальский змеевик» в контексте истории медицины», продолжая серию наших публикаций [2, с. 14 – 20; 3, с. 64 – 67; 4; 5; 6; 7]. Поэтому мы опускаем описание медальона и историю его изучения, отсылая интересующихся этими вопросам к вышеозначенным работам. В представляемой публикации мы обратимся к вербальной формуле амулета.

На одной из сторон «Суздальского змеевика» имеются изображения семи отроков эфесских. По сторонам изображений отроков – именные колончатые надписи: ANTONHNO, MARTHNOС, EZAKVCTYЛHAN, MAZIMHЛIAIN, ДIONVCHOC, HAMBЛHХЪ, IOANЪ. По ободу сторон располагается двустрочная русская молитвенная надпись [1, 540 – 562; 8, с. 134 – 148]. Прочтение надписи дается по варианту, представленному в описании амулета на официальном сайте ГИМа [10]: «+ ГН HCYCЪ KРЬCТЬ ДAВЪЕ CЪНЪ :3: OTPOKЪ BЪ COECЪCKEE ГOPЪ ЛAЖЪ H MA PABЪMA CBONMA +

ГЪOPЪГHEO XPECTHNE CЪНЪ ЖHBOЪTЪНЪЕ H MIPЪНЪЕ H VTACHCH(YOГ)ЪHЪHVEO AMHНЪ». По традиции отечественной историографии эта сторона считается лицевой.

Магический характер медальона очевиден. Из молитвенной надписи понятно, за кого и о чем молили у Иисуса Христа: о даровании Георгию и Христине (детям Марии) сна животворного и мирного и «угашении силы огненной». Соседство данной надписи с поименованными изображениями отроков эфесских представляется нам неслучайным: магический эффект медальона достигался комбинацией изображения и текста. Данное предположение соотносится с европейской магико-медицинской традицией Средневековья.

Магические заклинания болезней и болезневорных демонов были известны в Античности и раннем Средневековье [17, с. 343 – 366]. Развитие магико-медицинских практик в эпоху раннего Средневековья отразилось в распространении христианского формата действия – когда молитва и экзорцизм стали основными методами противодействия бесам [21, с. 27 – 61].

Количественный рост обращений к данным практикам актуализировал необходимость их унификации – т. е. приведения их к единообразной системе или форме. Так в X – XI в. в Европе появились записи медицинских рецептов, включающих формулу заклинания [11, с. 254 – 256; 12, с. 13 – 50; 13, с. 1 – 108; 14, с. 5 – 27; 21, с. 61 – 97]. Кодификация магико-

медицинских рецептов сделала возможным их применение любым знающим (умеющим читать) к любому больному. Эти рецепты и формулы составлялись как на латинском языке, так и на местных наречиях [11, с. 254 – 256; 14, с. 116 – 121]. Последнее является еще одним свидетельством в пользу массовости данных практик. Исцеляющая молитва предполагала трехчастное именование: 1) того, к кому обращались за исцелением; 2) того, об исцелении кого просили; 3) имено-

вание болезни, об исцелении от которой просили. В кодифицированной формуле прописывалось имя целителя (адресат молитвы), а место имени больного обозначалось латинской буквой «N» (сокр. от лат. *nomine*).

В контексте рассматриваемой темы интерес представляют медицинские рецепты, включающие сюжет о Семи отроках эфесских [11]. Можно назвать 7 таких текстов, составленных в период с X по XIV в. и связанных с сюжетом о Семи отроках эфесских (таблица).

Магико-медицинские рецепты с упоминанием семи отроков эфесских

Номер п\п	Датировка	Рецепт	Кодекс, место хранения
1	к. X – н. XI в.	<i>Wið Dweorh</i>	British Library, Harley MS 585, fol. 167r (Lacnunga)
2	к. X – н. XI в.	<i>Contra febres</i>	Worcester Cathedral library, MS 4. fol. 5.
3	XI в.	<i>Contra febres</i>	British Library, MS Cotton Faustina A. X. Fol. 116
4	½ XII в.	<i>Contra febres</i>	British Library, MS Royal 12. E. XX. Fol. 162v
5	XII в.	<i>De somnium sanus</i>	British Library, MS. Royal 2. A. XX. Fol. 52r
6	XIV в.	<i>Contra febres</i>	Königliche Bibliothek zu Stockholm, medizinischen Miscellan-Hs. in kl. 4
7	XIV в.	<i>Ut dormiens lenius dormiat</i>	Wroclaw University Library, collection of manuscripts – MS 1361

Рецепты предполагали произнесение вербальной формулы. Общее для всех рецептов – упоминание Семи от-

роков эфесских по именам. Очевидно, имена играли важную роль: их произнесение было обязательным. Более то-

го, 4 из 7 «рецептов» предписывали нанести эти имена на *гостии* – евхаристические хлебцы. В средневековой Европе *гостии* выпекались из пресного теста, по форме представляли собой тонкие пластины круглой формы диаметром 6 – 8 см. Для их изготовления с XII века использовались специальные формы с рельефными изображениями креста, агнца и других христианских символов. Манипуляции с подписанными именами отроков *гостиями* предполагали физический контакт с больным: их клали на/под голову больному одноразово или многократно. Все это сопровождалось произнесением вербальной формулы.

Из вышеозначенных молитвенных текстов наиболее показательной является латинская формула XI – XII в. «Семь спящих», записанная на форзаце манускрипта из Королевской коллекции библиотеки Британского музея (MS. Royal 2. A. XX. Fol. 52r):

«In Epheso civitate in monte Celion requiescunt sancu Septem dormentes, quorum ista sunt nomina: Maximianus, Malchus, Martinianus, Dionisius, Iohannes, Serapion, Constantinus. Per eorum merita et piam intercessionem dignetur dominus liberare famulum suum N de omni malo. Amen.

Domine Iesu Christe, qui somno deditus in mare a discipulis tuis excitari voluisti, per intercessionem sanctorum septem dormientium, quorum corpora in monte Celion requiescunt, fac dormire hunc famulum tuum N., ut convalescent a somno quem amisit tibi et sánete genitrici tue MARIE sanctisque martyribus tuis et

omnibus sanctis tuis grates referat. Qui vivis et régnas.

In principio erat verbum et verbum erat apud deum. Omnia per ipsum facta sunt et sine ipso factum est nichil. Deus propitius esto mihi peccatori (-trici) famulo (-e) tuo (-e) N. et de eius plaga amplius gutta sanguinis non exeat. Sic placeat filio dei sancteque eius genitrici MARIE. + In nomine Patris cessa sanguis + In nomine Filii resta sanguis + In nomine Spiritus sancti fugiat omnis dolor et effusio a famulo (-a) dei N. Amen. + In nomine sanete trinitatis, pater noster. Hoc die novies».

Латинский текст состоит из трех частей [20, с. 278, 292]. Каждая из частей представляет собой обращенную к Господу (*dominus, Domine Iesu Christe, Deus*) отдельную формулу молитвы о помощи в выздоровлении. Во всех случаях пациент назван «*слуга/раб Твой N*» (*famulum*), что подразумевает «*слуга/раб Господа*» или «*добрый христианин*». Первая формула – об освобождении от всякого зла. Вторая – о даровании восстановительного сна. Третья – о недопущении кровопотери. В первых двух формулах фигурируют Семь отроков эфесских: в первой перечисляются их имена, во второй они названы как «*семь спящих, тела которых покоятся в горе Селион*».

Корреляция упоминаний отроков эфесских и того, о чем просил молящийся (освобождение от всякого зла и дарование восстановительного сна), объясняется в контексте симпатической медицины, лечившей подобное подобным [18, с. 92 – 107]: в молитвах

для излечения от ожогов обращались к посредничеству Св. Лаврентия, для улучшения зрения – к посредничеству Св. Лонгина, для избавления от головной боли – к посредничеству Св. Дионисия и т. д. Сюжет о Семи отроках эфесских в христианской культуре средневековой Европы занимал особое место. История семи молодых христиан при императоре-язычнике Деции, осужденных на смерть и усопших в замурованной пещере, их чудесном пробуждении при Феодосии II в доказательство возможности воскресения и новом усыплении уже до Второго пришествия, была широко известна в Европе X – XIV вв. Сон и пробуждение в сознании средневекового европейца были ассоциированы со смертью и воскрешением [15, с. 193 – 242]. Показательно, что еще в XX в. в русском языке сохранялись синонимические пары *уснуть/усопнуть* и *умереть/усопнуть*. Вместе с тем эффективность восстановительного сна для физического и эмоционального здоровья человека сегодня общепризнана и обоснована. Отход ко сну нередко сопровождается ощущениями физической и эмоциональной слабости. При пробуждении после хорошего сна человек чаще всего чувствует себя спокойным и окрепшим. У больного человека эти ощущения усиливаются. Осмелимся предположить, что и в Средневековье значение восстановительного сна понимали и по-своему обосновывали, в том числе обращаясь к сюжету о Семи отроках эфесских. Поэтому молитва второй части форму-

лы о восстановительном сне (*...fac dormire hunc famulum tuum N., ut convalescent a somno quem amisit tibi.. – ... даруй слуге твоему N сон, дабы оправдился он от немочи и вернул [силы] что потерял*) посредством *Семи спящих* вполне логична в реалиях медицины Средневековья.

В молитвенной надписи «Суздальского змеевика» говорится о «сне животворном и мирном». Расположение данной надписи на стороне с изображением Семи отроков эфесских позволяет соотнести текст и образ. В таком случае поименованные изображения отроков связаны с содержанием молитвенной надписи, т. е. с молитвой о «сне животворном и мирном».

При сопоставлении молитвенной надписи на стороне с поименованными изображением Семи отроков эфесских «Суздальского змеевика» и формулы «Семь спящих» манускрипта из Королевской коллекции библиотеки Британского музея (MS. Royal 2. A. XX. Fol. 52r) выявляется много общего: в обоих случаях это молитвенный текст о восстановительном сне при посредничестве *Семи спящих*. Индивидуальный характер надписи амулета из Суздаля с именами Георгия и Христины не противоречит обезличенности латинской формулы, в которой адресат получения Божьей благодати обозначен латинской «N». Как раз наоборот: все выглядит так, что древнерусский текст составлен, следуя формуле рецепта.

Данное предположением соотносится еще с одной деталью. В молитвенной надписи на суздальском

амулете говорится также об «угашении силы огненной». В медицинском контексте это, вероятно, означает «выход из горячки» или снижение температуры тела человека до нормы. Повышенная температура является проявлением многих заболеваний. Субъективные ощущения человека при повышенной температуре – это жар и озноб. Именно эти проявления в Средние века именовались «лихорадка». Четыре из семи вышеозначенных рецептов с упоминанием Семи отроков направлены на противодействие лихорадке (*febre*). Таким образом молитва об «угашении силы огненной» на стороне с поименованными изображениями *Семи спящих* вполне логична в контексте магики-медицинских практик средневековой Европы.

Итак, амулет-змеевик из гелиотропа, хранившийся в Ризнице Рождественского собора г. Суздаля, и западноевропейские формулы магики-медицинских рецептов, включающие сюжет о Семи отроках эфесских, относятся к единой традиции врачевания средневековой Европы. Вербальная формула амулета соответствует регламенту латинских рецептов. Эта формула индивидуализирована, т. е. действует только в отношении трех поименованных человек (Марии, Георгия, Христины). В формуле прописаны *недуги* (не болезни, а их проявления), которые она должна побеждать: плохой сон и «сила огненная». С поправкой на медицинские знания Европы времени создания амулета (XII в.) можно сказать, что формула нацелена на широкий спектр недомога-

ний/болезней: от повышенной нервозности, проявляющейся в плохом сне, до ОРВИ и пищевых отравлений, маркируемых высокой температурой. Таким образом «Суздальский змеевик» может быть охарактеризован как универсальное лечебное средство.

Круговое расположение надписей обеспечивало возможность бесконечного воспроизведения формулы. Но было ли воспроизведение *бесконечным*? Утвердительный ответ на этот вопрос подразумевает, что Мария, Георгий и Христина перманентно болели (все вместе или поочередно). И тогда постоянное ношение медальона означало бы непрерывную активность магики-медицинского артефакта. Это предположение соотносится с тезисом о том, что «Суздальский змеевик» был заказан женой князя Всеволода III «Большое гнездо» Марией Шварновой для исцеления своих детей и себя самой в 1189 г. [9, с. 25]: княгиня Мария могла постоянно носить амулет с молитвой о здоровье детей.

В соответствии с вышеозначенными медицинскими текстами, *гостии* с нанесенными на них именами отроков прикладывали к телу больного. Это могло делаться однократно и многократно. Форма и размеры «Суздальского змеевика» соответствуют средневековому стандарту *гостии*. Наличие на одной из сторон амулета-змеевика поименованных изображений *Семи спящих* усиливает эту аналогию. Это дает основание предположить, что с «Суздальским змеевиком» проделывали такие же манипуляции как с под-

писанными *гостями*. Мы считаем, что амулет не носили постоянно, но применяли по мере необходимости, т. е. при наличии тех или иных симптомов заболевания. Круг пользователей амулета был ограничен – Мария, Георгий и Христина – только в контакте с ними магиико-медицинский медальон был эффективен.

Таким образом, вербальная формула «Суздальского змеевика» была важной составляющей магиико-медицинской механики амулета, в создании которого нашли отражение не только передовые технологии каменерезного мастерства XII в., но и медицинские знания и практики средневековой Европы.

Библиографические ссылки

1. Гиппиус А. А., Зализняк А. А. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования. М., 1997. С. 540 – 562.
2. Бисерова А. В., Лапшин А. Г. «Суздальский змеевик» в контексте истории медицины // Суздальский сборник – 2018: Суздаль в истории России : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. 26 окт. 2018, г. Суздаль. Владимир, 2019. С.14 – 20.
3. Бисерова А. В., Лапшин А. Г. Древнерусские амулеты-змеевики и симпатическая медицина Средневековья // Исторический опыт мировых цивилизаций и России : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 22 – 23 нояб. 2018 г. Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир, 2019. С. 64 – 67.
4. Бисерова А. В., Лапшин А. Г. «Суздальский змеевик» и магические практики медицины Средневековья // XXIV Межрегион. краевед. конф. 19 апр. 2018 г. Владимир (в печати).
5. Бисерова А. В., Лапшин А. Г. История и амулеты-змеевики // Медицинский вестник МВД. 2020. № 1. (Том CIV) (в печати).
6. Бисерова А. В., Лапшин А. Г. Молельные надписи «Суздальского змеевика» и медицинские практики Средневековья // Культурный слой : сб. науч. ст. Вып. 6. Нижний Новгород, 2020 (в печати).
7. Лапшин А. Г. «Суздальский змеевик» в контексте истории медицины-2: сюжет о Семи отроках эфесских // Суздальский сборник – 2019: «Суздаль в истории России» : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. 25 окт. 2019 г. Суздаль. (в печати).
8. Медынцева А. А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991. С. 134 – 148.
9. Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991. 124 с.
10. Суздальский змеевик // Постоянная экспозиция ГИМ. URL: <http://nav.shm.ru/exhibits/1594/> (дата обращения: 07.03.2020).

11. Bonser W. The Seven Sleepers of Ephesus in Anglo-Saxon and Later Recipes. // Folklore. Vol. 56. № 2 (1945). Abingdon. Pp. 254 – 256;
12. Bonser W. The Medical Background of Anglo-Saxon England. A Study in History, Psychology and Folklore. London, 1963. 448 p. URL: <https://wellcomelibrary.org/item/b20086258#?c=0&m=0&s=0&cv=18&z=-0.7917%2C-0.1541%2C2.5834%2C1.7267> (дата обращения: 07.03.2020);
13. Classen A. Magic in the Middle Ages and the Early Modern Age – Literature, Science, Religion, Philosophy, Music, and Art. An Introduction // Magic and Magicians in the Middle Ages and the Early Modern Time. The Occult in Pre-Modern Sciences, Medicine, Literature, Religion, and Astrology. Ed. by Classen A. – GmbH-Berlin-Boston, 2017. 757 p.
14. Ernst W. Beschwörungen und Segen Angewandte Psychotherapie im Mittelalter. Köln, 2011. 386 S.
15. Le Goff J. The Medieval Imagination. Chicago, 1992. 302 p.
16. Kieckhefer R. Magic in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 219 p.
17. Olsan L. T. Charms and Prayers in Medieval Medical Theory and Practice // Social History of Medicine. Vol.16, Iss. 3, December 2003. Oxford. Pp. 343 – 366.
18. Rider C. Medical Magic and the Church in Thirteenth-Century England // Social History of Medicine. Vol. 24, Iss. 1, April 2011. Oxford. Pp. 92 – 107.
19. Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 56. London, 1993.. Pp. 25 – 62.
20. Storms G. Anglo-Saxon Magic. Gravenhage, 1948. 336 p.
21. Young F. A History of Exorcism in Catholic Christianity. Cham, 2018. 275 p.

A. G. Lapshin

VERBAL FORMULA OF THE «SUZDAL HYSTERA-AMULET»

The article presents an attempt to interpret "Suzdal hystera-amulet" in the context of medical practices of the Middle Ages. On the side of the amulet there are named images of the Seven youths of Ephesus and prayers for a life-giving dream and a decrease of the "fire power". The appeals to the mediation of the Seven sleepers of Ephesus in prayers for good dream and against fever are fixed in medical Latin formulas of the Xth – XIVth centuries. The stylistic and semantic parallels of Latin formulas and Russian inscriptions on "Suzdal hystera-amulet" give reason to talk about a unified magic-medical tradition in Medieval Europe.

Keywords: Hystera-amulet, prayer inscription, restorative dream, fever, medieval medicine, Seven Sleepers of Ephesus, Suzdal, London.

Н. С. Скоробогатых

**ПРАВООЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
АВСТРАЛИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

В статье рассматриваются основные этапы правозащитного движения аборигенов Австралии, прослеживаются особенности их борьбы на фоне истории страны, анализируются основные проблемы в этой сфере в наши дни.

Ключевые слова: Австралийский Союз, аборигены, Уильям Купер, сэр Дуглас Николлс, Невилл Боннер, Чарльз Перкинс, Кен Уайетт.

История Австралии интересна во многих отношениях: не последнюю роль играют здесь и межэтнические конфликты, и пути их решения. Наиболее часто исследуемой темой в этом плане стали отношения между аборигенами и британскими переселенцами, как они складывались с самого начала освоения континента европейцами.

Главный акцент в историографии делался на исторической трагедии первоначальников Австралии, которые не смогли противостоять колонизации и стали в определенной степени жертвами новой цивилизационной модели. Попытки их сопротивления британской экспансии вылились в вооруженные столкновения, продолжавшиеся вплоть до конца XIX в. и приведшие к массовому уничтожению многих племен. Однако ситуация далеко не всегда была так однозначна. Начиная с 1788 г., лучшие правители колоний предпринимали попытки наладить взаимопонимание с аборигенами: хрестоматийна судьба Беннелонга, ставшего по-

средником между своими соплеменниками и губернатором Артуром Филлипсом [7]. Жившие по соседству с британцами коренные австралийцы достаточно быстро адаптировались к новым порядкам, хотя их отличия во внешности и образе жизни еще долго вызывали неподдельный интерес у европейцев. Но на линии фронта продолжалась ожесточенная борьба за земли, с которых колонисты вытесняли местные народы по мере расширения колоний. От окончательного уничтожения аборигенов спасли колониальные власти и далеко не совершенная, но действенная политика государственной защиты, проводившаяся в колониях с разной степенью эффективности вплоть до середины следующего столетия.

Одиночные попытки привлечь внимание правительств к тяжелым обстоятельствам жизни коренных народов континента, оказавшихся в самом низу социальной лестницы, мало влияли на официальный патерналистский курс. В рамках созданного в 1901 г.

Австралийского Союза (АС) аборигены по-прежнему оставались юридически вне социума: согласно статье 127 Конституции АС их не включали в переписи населения и в списки избирателей, тем самым вычеркивая из политической жизни страны. Программы социальной помощи для них находились в ведении субъектов федерации, существовал целый ряд ограничений в передвижении, запреты на ряд профессий, владение землей, не говоря уже о произволе местных властей и работодателей, занижавших заработную плату аборигенам [См., например, документы парламента штата Западная Австралия 1904 г.: 3, с. 121 – 132]. Основной целью администраций оставалась максимально возможная ассимиляция небританцев. В 1930 – 1960-х гг. дети-полукровки изымались из племен и воспитывались в специальных школах-интернатах или белыми семьями без учета их культурных или этнических традиций. В наши дни эти люди и их потомки называют себя «украденными поколениями», и многие из них стали активными правозащитниками: коренные австралийцы, жившие в городах бок о бок с белыми, перенимали их методы борьбы за свои права.

Первым этапом собственно правозащитного движения можно считать 1930 – 1960-е гг., когда протест коренных народов начал приобретать политический характер, и страна узнала их ярких лидеров: Дугласа Николлса, Уильяма Купера и других. Именно эти «люди из народа», зачастую самоучки и талантливые личности, возгла-

вили аборигенные общественные организации, созданные в 1930-х гг. в крупных городах страны: Аборигенную прогрессивную ассоциацию в Сиднее, Лигу австралийских аборигенов в Мельбурне. Самым ярким их выступлением стало проведение в январе 1938 г., в день празднования 150-летия высадки британцев на континент, своего Дня траура. Так они выразили свой протест против униженного положения, в котором оказались в результате колонизации; и память об этом событии жива в АС и поныне [28]. Голоса немногих ученых – таких, как профессор антропологии Сиднейского университета А. Е. Элкин, и политиков, как лидер Аграрной партии Дж. Макьюэн, призывавших к справедливому отношению к коренным австралийцам, были первыми ласточками поворота в общественных настроениях [См. 2, с. 199 – 222].

В то время протест аборигенов носил, как правило, мирный характер, что не могло не сказаться на отношении к ним большинства населения. Даже в рамках официальной политики «белой Австралии» возрождался интерес к культуре аборигенов, а участие чернокожих австралийцев во Второй мировой войне наравне с белыми было мощным фактором, подстегнувшим интерес к ним со стороны большинства. Огромную роль в признании заслуг коренных австралийцев сыграли их достижения в спорте: они оказались прекрасными игроками в крикет. Их умения и навыки следопытов использовались в полицейской службе. Росла

слава замечательных пейзажей художника Альберта Наматжиры, которого нынешние правозащитники считают своим символом, хотя сам Наматжира никогда в политике не участвовал и даже отказался уехать из родных мест в Центральной Австралии, когда ему, в порядке исключения, предлагали перебраться в один из крупных городов [4]. Таким образом, адаптация аборигенов к европейской культуре стала залогом их постепенного вхождения в доминирующее общество. Их лидеры в те годы все активнее выступали как за политическое, так и за экономическое равенство: в 1946 г. в Западной Австралии аборигены – перегонщики скота назвали свою забастовку «Черной Эврикой» – редкий случай, когда они признали значение события из истории белой колонизации как знамя борьбы за свои права*. В 1960-х гг. в стране действовали многочисленные правозащитные организации, и большинство их активистов являлись представителями зарождавшейся обеспеченной элиты коренных народов.

Руководство страны откликнулось на новые веяния: создавались правительственные советы по улучшению благосостояния коренных жителей, в их состав вводили аборигенов-метисов, среди которых было больше грамотных, чем среди «полнокровных» аборигенов. В 1958 г. был учрежден Федеральный совет по развитию аборигенов и жителей о-вов Торресова пролива, задачей которого стала под-

готовка к референдуму о гражданском равноправии; в 1961 г. эти вопросы были переданы в ведение специального сенатского комитета [8: 170, 173]. Помимо подключения аборигенов к государственной системе вэлфер с 1963 г. началось признание их прав на получение компенсаций за коммерческие разработки на племенных землях и охрану их святыщ. В 1965 г. Арбитражный суд АС вынес решение о выплате равной с белыми заработной платы для аборигенов, занятых в сфере скотоводства.

Однако главным требованием того поколения правозащитников оставалось предоставление коренным народам гражданского равноправия, которого они и добились в 1967 г. Была отменена дискриминационная 127 статья КАС и внесены соответствующие поправки в ряд разделов Основного закона, касающиеся положения коренного населения страны. Референдум, проводившийся по этому вопросу, показал практически единодушную поддержку населения этой инициативы правительства: порядка 91 % австралийцев высказались «за». Такого проявления национального единения страна не видела ни до, ни после [25]. Это была реальная победа первого поколения аборигенов-правозащитников, сумевших переломить общественное мнение и добиться своих целей. Гражданское равноправие коренных австралийцев было восстановлено.

Этот рубежный момент дал мощный толчок развитию самосознания аборигенов и стал началом каче-

* The Bulletin, November 23, 2004. P. 53.

ственно нового, **второго этапа** правозащитного движения (1970 – 1990-е гг.), когда их борьба обрела прочные юридические основания. В условиях постепенного перехода от «белой Австралии» к мультикультурализму оно стало поистине массовым, обретавшим все большее влияние и выдвигавшим новые требования. Под влиянием ширившихся международных контактов наблюдалось и явное внутреннее расслоение: так, молодые радикалы в АС черпали вдохновение из опыта левачских группировок американских негров – движения «черная сила». Вопрос о степени этого разрушительного по сути своей влияния ставился даже в стенах австралийского парламента [3, с. 209]. В 1970-х гг. многие считали именно левых экстремистов истинными лидерами. Наиболее популярным журналом, посвященным проблемам аборигенов, стал «Identity», тираж которого насчитывал 10 тыс. экземпляров. Появлялись аборигенные театральные группы, школы, где изучались аборигенные языки, медицинские службы и центры по обслуживанию аборигенов, росли ряды аборигенной интеллигенции – врачей, юристов, преподавателей. В 1965 г. Сиднейский университет закончил Чарльз Перкинс, ставший первым аборигеном, получившим высшее образование и возглавившим борьбу за отмену расовой дискриминации своего народа. Художник-абориген Гарольд Томас создал флаг аборигенов Австралии, который в наши дни красуется над официальными резиденциями правозащитных организаций в АС.

Впервые в стенах федерального парламента появился абориген-правозащитник, ставший в 1971 г. сенатором от Либеральной партии Австралии (ЛПА), Невилл Томас Боннер, который с трибуны парламента поставил вопрос о необходимости признать его народ первоначальными Австралии и владельцами этих земель [См. о нем: 22]. Был создан Совет по делам аборигенов при правительстве АС, который впоследствии вырос в специальный департамент, отвечавший за разработку политики по отношению к коренному населению континента. Политики-аборигены выступали на равных с белыми и были самостоятельны в своих взглядах и действиях, но в парламента попадали как члены ведущих политических партий – ЛПА, Австралийской лейбористской партии (АЛП). В их поддержку активно выступали левые политики, в том числе и Коммунистическая партия Австралии. Карьеры многих складывались вполне успешно: так, к примеру, сэр Дуглас Николлс получил рыцарское звание и в 1976 г. стал губернатором Южной Австралии.

Правительства АС – вне зависимости от партийной принадлежности – не оставались в стороне от этих тенденций. Премьер-министр лейборист Э. Г. Уитлем обещал «восстановить для аборигенов Австралии их утраченные права самоопределения в экономической, социальной и политической жизни» [8, с. 181]. В 1973 г. был создан федеральный департамент по делам аборигенов, который развернул актив-

ную работу по улучшению жизни коренных австралийцев, и расходы государства на помощь аборигенам в 1972 – 1975 гг. выросли практически в 5 раз [23, с. 442]. Тогда же были созданы Комиссия по землям аборигенов, где бы конкретно рассматривались отдельные иски коренных австралийцев, Юридическое агентство для правового обслуживания аборигенов, а также Бюро по искусству аборигенов. В 1974 г. начал свою работу Национальный консультативный совет аборигенов, в состав которого вошли представители коренных народов страны; их задачей виделась работа по изучению положения аборигенов и разработка рекомендаций для правительственных органов. В 1976 г. парламент принял Закон о праве собственности на землю аборигенов Северной территории; аналогичные законы заработали во всех штатах АС, и сфера их приложения затронула в целом почти 11 % территории страны [15, с. 4 – 7]. В 1980 г. была создана Комиссия по развитию аборигенов, призванная помочь им начать собственный бизнес и обеспечить материальное благосостояние. В эти же годы при университетах создавались центры по изучению прав аборигенов и проводились конференции по этим вопросам. Считается, что именно этот период стал началом политики самоопределения и примирения аборигенов и белых австралийцев. В 1988 г. старейшины ряда племен обратились к премьер-министру Р. Л. Хоуку с «Заявлением Барунга», в котором содержались требования предоставить коренному

населению право на самоуправление, закрепить их собственность на родовые земли, выплатить денежную компенсацию за утраченные земельные угодья, уважать их традиционную культуру, покончить с дискриминацией и даровать всю полноту гражданских, экономических и культурных прав [10, с. 103]. Однако против такого подхода выступили представители коалиции Либеральной и Национальной партий, ибо, по их мнению, «нация не может заключать договор с самой собой» [16, с. 10]. В итоге предлагавшийся договор так и не был подписан, а разработка проблем аборигенов была передана в Комиссию по делам аборигенов и жителей островов Торрессова пролива. В 1989 – 2004 гг. этот «орган, сочетающий в себе как представительские, так и исполнительные функции, посредством организации региональных советов и Национального совета, избираемого коренными народами», рассматривался правительством как «крупный шаг вперед в управлении делами коренных народов» [9].

Конец XX – начало XXI в. можно считать началом **третьего этапа** в правозащитном движении коренных народов. Одно из самых малочисленных национальных меньшинств АС (около 3 % населения) постепенно занимало значительное место в политических структурах страны, и требования его лидеров все возрастали. Но одновременно они стали вызывать все большее раздражение у многих рядовых австралийцев. Единство 1967 г. уходило в прошлое под влиянием па-

радоксальной ситуации: несмотря на многомиллионные финансовые вливания, полученные под давлением аборигенов-активистов, уровень жизни коренных народов оставался намного ниже среднестатистического. В глубинке Северной Территории и на отдаленных островах пьянство и бытовые преступления были обычными явлениями.

Недовольство такой ситуацией зрело как среди аборигенов, так и доминирующего населения. Чтобы как-то сгладить эту тенденцию, правительства АС в 1991 г. начало кампанию национального примирения с аборигенами: устраивались многотысячные марши примирения, национальные Дни извинения с участием представителей властей всех уровней. По стране перевозили «Книги извинений», куда белые австралийцы писали свои просьбы о прощении, обращенные к аборигенам. Однако сам термин «примирение» лидеры аборигенов по-прежнему трактовали по-своему: «истинное примирение» означало признание «особых» прав коренного населения, проистекающих из «их статуса первопоселенцев» [Цит. по: 14, с. 156]. Знаковым для многих стало знаменитое дело Эдди Мабо, когда после решения Высокого суда в пользу истца-правозащитника в 1993 г. был принят Закон об исконных правах первоначальников континента на их племенные земли. Но это породило только еще большие противоречия между аборигенами и теми пользователями этих земель, которые работали на них с периода колонизации.

В это же время правозащитники попытались выйти на новый уровень политической борьбы: в конце 1991 г. на севере Квинсленда была сформирована Объединенная партия аборигенов, главной задачей которой было привлечь внимание общественности к нуждам коренных народов; вслед за ней появилась Австралийская партия коренных народов. Однако попытки создать собственные аборигенные партии, как правило, были кратковременны и не приносили ощутимых результатов на парламентских выборах в силу узости социальной базы. Более плодотворным оказалось сотрудничество с левыми партиями – Австралийскими Зелеными и Австралийскими демократами (АД) – и с АЛП. Политики левого толка охотно включали требования аборигенов в свои программы, и в их рядах аборигены делали блестящие карьеры; однако не всегда принадлежность к «чужим» партиям находила одобрение у рядовых активистов [См.: 11].

Кроме того, участники движения в защиту прав аборигенов стали неизменными членами всевозможных правительственных комиссий и комитетов, ответственных за решение проблем коренного населения страны. Их лидеры предлагали и свои планы реформ. Так, в 1999 г. Ноэль Пирсон говорил о необходимости «научить аборигенов помогать самим себе» и призывал перейти от потребительской психологии и зависимости от правительственных пособий к возврату в активную экономическую жизнь. Его

идеи разделял абориген по происхождению Эйден Риджуэй, ставший сенатором от Нового Южного Уэльса и одним из лидеров партии АД [18, с. 194–195]. Такие инициативы принесли свои плоды: малый бизнес, традиционное искусство, туризм обеспечивали занятость в общинах и приносили неплохие доходы. В сфере профессионального образования аборигенов самыми популярными были специальности, связанные с управлением бизнесом и экономикой в целом, а также с искусством, общественными науками и образованием. В начале 2008 г. премьер-министр лейборист К. Радд принес долгожданные официальные извинения коренным народам Австралии за причиненные им в ходе европейской колонизации страдания – за «глубочайшие беды и оскорбления», нанесенные политикой прошлых лет, и за эту «позорную главу в истории нашей страны» [24].

Нетрудно заметить, что нынешняя генерация борцов за права коренных австралийцев, выросшая в условиях мультикультурализма, отличается от своих предшественников. Как правило, это лица с высшим гуманитарным образованием, занимающие устойчивое и достойное место в австралийском обществе; многие из них аборигены как минимум наполовину, апеллирующие к истории своих родителей из числа «украденных поколений»; некоторые являются потомственными правозащитниками. Немалая часть этих людей – профессиональные политики, полностью попа-

дающие под определение этнобюрократии, как, к примеру, члены исполкома Национального конгресса Первых народов Австралии [21]. Среди них есть и те, кто достиг самого высокого уровня в политической сфере, в частности сенатор от Западной Австралии Патрик Додсон или получивший в 2019 г. портфель министра по делам аборигенов, опытный бюрократ Кен Уайетт. Кстати, в большой политике активно участвуют и их братья: Майкл Додсон, Седрик и Бен Уайетты. Не остались в стороне и женщины: после выборов 2019 г. из четырех аборигенов – членов федерального парламента две женщины – Линда Берни и Маларндирри Маккарти. На уровне штатов и местного самоуправления их число еще больше.

Спектр требований правозащитников значительно расширился. Самыми обсуждаемыми стали внесение изменений в Конституцию страны и заключение договоров аборигенов с правительствами страны по примеру маори Новой Зеландии или индейцев США и Канады. Последний документ такого рода – Заявление из Сердца Улуру, принятое лидерами аборигенов в 2017 г. [26] – стал основой для главных инициатив лидеров аборигенов в наши дни. В 2018 г. в ходе ежегодного фестиваля Гарма в Арнемленде лидеры аборигенов, заявив, что суверенитет коренных народов будет «даром для всех австралийцев», четко сформулировали свою позицию: «Два закона, два народа, одна страна» [12]. По сути, это призыв к юридическому разделе-

нию нации. Все чаще, не дожидаясь официального решения этого вопроса, аборигены де-факто провозглашают свое отделение от АС. Если разбитый в 1972 г. в День Австралии напротив здания парламента в Канберре палаточный городок аборигенов – «Аборигенное посольство» – был по преимуществу демонстрацией единства коренных австралийцев в борьбе за свои права, а создание в 1990 г. Временного правительства коренных народов, утверждавшего, что они всегда были суверенными [19], смотрелось как политическая экзотика, то в XXI в. «парад суверенитетов» по-австралийски стал достаточно заурядным явлением. В 2013 г. в Квинсленде о собственной государственности заявили старейшины народа юалайи; появилась Республика Мбарбарам; за ней – Республика Мурраварри, лидер которой в очередной раз подчеркнул: «Мы не провозгласили независимость от Австралии. Мы заявили, что мы всегда были независимы от Австралии» [17]. Эти карликовые квазигосударства – пусть пока и мало кем признанные – становятся знаком времени.

Изменились и методы давления на правительства: от демонстраций до уличных столкновений и даже нападений на премьер-министра, как случилось, к примеру, в январе 2012 г. [6]. Мощным информационным ресурсом стало учрежденное в 2007 г. Национальное аборигенное телевидение Австралии, транслирующее свои передачи на 68 языках, включая русский. Постоянный элемент общественной жизни

страны – проведение широких кампаний в прессе, использование многочисленных сайтов и трибун университетов для пропаганды своих взглядов. За аналогичные выступления, отстаивающие равноправие всех граждан АС, не говоря уже об интересах доминирующего большинства, неаборигенных политиков обычно подвергают жесточайшей критике и безосновательно обвиняют в расизме.

Складывается между тем впечатление, что реальные проблемы основной массы коренного населения (низкий уровень жизни, плохие жилищные условия, проблемы в доступе к системам здравоохранения и образования, преступность, алкоголизм и т. п.) выступают в наши дни как фон для политических претензий аборигенной элиты. Всевозможные проекты годами обсуждаются активистами в различных комиссиях, они получают на их разработку огромное финансирование из госбюджета и потом жалуются на неэффективность принятых мер, обвиняя в этом именно власти. По словам Аниты Хейсс, писательницы и адъюнкт-профессора Технологического университета в Сиднее, «со времени европейского вторжения и до недавнего времени... проводилась политика защиты, ассимиляции, самоопределения и примирения. Теперь ясно, что ни одна из этих стратегий фактически не улучшила положение австралийских аборигенов и жителей островов Торресова пролива по сравнению с тем, каким оно было до вторжения» [13]. Однако специфика нынешней позиции большин-

ства правозащитников-аборигенов – это не столько эффективное решение накопившихся проблем, сколько муссирование ужасов колониального прошлого и, по сути, разжигание межнациональной вражды между потомками обиженных аборигенов и австралийскими гражданами европейского происхождения.

Правозащитники рисуют, как и ранее, картину полной безнадежности. По данным официальных источников, ситуация более приемлемая. Как полноправные граждане аборигены пользуются всеми благами социальной системы АС, включающей немало пособий и льгот для малоимущих. Правительственные чиновники отмечали, что «на всех уровнях государственного управления имеются дополнительные структуры для коренных народов, помимо тех, которые существуют для остальной части Австралии» [12]. Политика поддержки аборигенов разделяется всеми ведущими партиями АС, и на ее проведение ассигнуются огромные суммы. Только в 2015 г. аборигенам помогали более 600 организаций, их работа охватывала около 30 тыс. человек, и они получили 55 млн. долларов на стипендии в сфере образования плюс 42 млн. долларов на безвозмездную поддержку [21]. Однако такие финансовые вливания пока так и не принесли кардинального улучшения в жизнь рядовых аборигенов.

Все это создает весьма нездоровую ситуацию в австралийском социуме, не содействуя сохранению обще-

ственного спокойствия и согласия. Многие белые австралийцы считают, что «черные получают слишком много денег – миллионы от правительства, они получают услуги бесплатно и помощь с работой и образованием» [27]. Такого рода настроения легко встраиваются в растущее общее недовольство основного населения сложившейся ныне в стране ситуацией. В условиях свободы рынка в неолиберальной трактовке данного явления, исторически сложившая в Австралии парадигма эгалитаризма, которая легла в основу общественного устройства и которая всегда была предметом национальной гордости ее граждан, исчезает на глазах, уступая место неизбежной имущественной поляризации. И это отнюдь не укрепляет социальную стабильность. Наиболее ярким проявлением процессов недовольства большинства стал рост правых и ультраправых настроений среди доминирующего населения [См.: 1, с. 92 – 104].

Основной порок политики мультикультурализма в современном австралийском варианте – превалирование интересов меньшинств (не только этнических, но и конфессиональных и т. д.) над интересами доминирующего большинства. Практическое воплощение этого – доминирование фактора этничности над фактором гражданского единства и принципом равенства всех перед законом. Радикализация того же правозащитного движения коренных австралийцев вызывает аналогичную реакцию австралийцев белых, что никак не способствует устойчиво-

му развитию социума. Фактически мы наблюдаем бомбу замедленного действия. И единственный способ избежать ее взрыва в будущем – возврат к принципам гражданского равноправия вне зависимости от этнического происхождения и ориентированной на всех социальной политики.

Библиографические ссылки

1. Скоробогатых Н. С. Австралийские правые как отражение протеста «молчаливого большинства» // Социальный протест на Востоке и Западе: взгляд из Сибири : материалы. всерос. науч. конф. (Иркутск, 12 мая 2017 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017.
2. Скоробогатых Н. С. «Черный Джек» – Джон Макюэн (один из столпов австралийского консерватизма XX века) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXIX (ЮВА 2014 – 2015). М. : ИВ РАН, 2015.
3. *Aborigines in White Australia. A documentary history of the attitudes affecting official policy and the Australian Aborigine.* Sel. and ed. by Sharman N. Stone. South Yarra, Heinemann Educational Australia Pty Ltd, 1974.
4. Albert Namatjira (1902–1959). URL: <https://manyhandsart.com.au/about/albert-namatjira/> (дата обращения: 25.01.2020).
5. Australian Government to Increase Number of Aborigines in Tertiary Education. By Saga Briggs. August 16 2013. URL: <https://www.opencolleges.edu.au/informed/other/australian-government-to-increase-number-of-aborigines-in-tertiary-education-5153/> (дата обращения: 18.03.2019).
6. Australian PM dragged to safety through a crowd of Aboriginal protesters after being ambushed in restaurant. By JILL REILLY. UPDATED: 27 January 2012. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2092021/Julia-Gillard-rescued-Australia-Day-Aboriginal-protesters-shes-dragged-safety.html> (дата обращения: 14.02.2019).
7. Bennelong (c. 1764 – 1813). By Eleanor Dark. This article was published in *Australian Dictionary of Biography*. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/bennelong-1769> (дата обращения: 22.01.2020).
8. Broom R. *Aboriginal Australia: Black response to White dominance, 1788–1980.* Sydney, 1982.
9. Current Issues Brief № 4, 2004 – 05. The end of ATSIC and the future administration of Indigenous affairs. Angela Pratt, Social Policy Section. Scott Bennett, Politics and Public Administration Section. 9 August 2004. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/Publications_Archive/CIB/Current_Issues_Briefs_2004_-_2005/05cib04 (дата обращения: 24.01.2020).
10. *The Encyclopedia of Aboriginal Australia.* Vol. 1, Canberra, 1988.

11. Famous Aboriginal people, activists & role models. URL: <https://www.creativespirits.info/aboriginalculture/people/famous-aboriginal-people-role-models> (дата обращения: 11.02.2019).
12. Garma festival: Indigenous sovereignty would be a 'gift for all Australians". Helen Davidson in Arnhem Land. Fri 3 Aug 2018. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2018/aug/04/garma-festival-indigenous-sovereignty-would-be-a-gift-for-all-australians> (дата обращения: 12.02.2019).
13. Government policy in relation to Aboriginal people. Author: Anita Heiss. URL: <https://www.sydneubarani.com.au/sites/government-policy-in-relation-to-aboriginal-people/> (дата обращения: 18.03.2019).
14. Howard's Second and Third Governments. Ed. by Ch. Aulich and R. Wettenhall. Sydney, 2005.
15. International Handbook on Race and Race Relations. New York, 1987.
16. Liberal and National. Aboriginal Affairs Policy. Canberra, 1988.
17. List of independent Aboriginal nations. URL: <https://www.creativespirits.info/aboriginalculture/selfdetermination/aboriginal-nations-declaring-independence#toc1> (дата обращения: 19.07.2019).
18. Mann R. The Barren Years. John Howard and Australian political culture. Melbourne, 2001.
19. Micro-nations: Meet the tiny states who've said 'see ya later' to the Commonwealth. By Rebecca Trigger. Posted 9 Feb 2017. URL: <http://www.abc.net.au/news/2017-02-10/meet-the-micro-nations-of-australia/8252020> (дата обращения: 19.02.2019).
20. National Congress of Australia's First Peoples – Biographies. URL: <https://www.humanrights.gov.au/node/1970/sharing/googleplus> (дата обращения: 16.03.2019).
21. National Reconciliation Week launch highlights Reconciliation Action Plan success. By Reconciliation Australia. Posted May 27, 2015. URL: <https://www.reconciliation.org.au/national-reconciliation-week-launch-highlights-reconciliation-action-plan-success/> (дата обращения: 12.02.2019).
22. Neville Bonner – Fact sheet 231. URL: <http://naa.gov.au/collection/fact-sheets/fs231.aspx> (дата обращения: 01.07.2019).
23. Official Year Book of Australia. № 61, 1975 – 1976. Canberra, 1977.
24. 'Sorry' apology to Stolen Generations – Creative Spirits, retrieved from. URL: <https://www.creativespirits.info/aboriginalculture/politics/stolen-generations/sorry-apology-to-stolen-generations> (дата обращения: 11.02.2019).
25. The state of reconciliation in Australia. Summary. URL: https://www.reconciliation.org.au/wp-content/uploads/2017/11/State-of-Reconciliation-Report_SUMMARY.pdf (дата обращения: 12.02.2019).

26. Uluru Statement from the Heart. URL: <https://ru.scribd.com/document/349479243/Uluru-Statement-From-the-Heart> (дата обращения: 25.02.2019).
27. Utopia? Kathleen Ngale is 85 years old and living in conditions I can only describe as hell. Marcus Woolombi Waters. Tue 24 Jan 2017. Last modified on Tue 24 Jan 2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/24/utopia-kathleen-ngale-is-85-years-old-and-living-in-conditions-i-can-only-describe-as-hell> (дата обращения: 18.03.2019).
28. Why Aboriginal William Cooper is Australia's Gandhi. Sebastian Halse. May 12, 2017. URL: <https://medium.com/@sebastianhalse/why-aboriginal-william-cooper-is-australias-gandhi-6ab98f46350e> (дата обращения: 12.02.2019).

N. S. Skorobogatykh

**AUSTRALIAN ABORIGINAL HUMAN RIGHTS MOVEMENT:
THE PAST AND THE PRESENT**

The article examines the main stages of the Australian Aborigines' human rights movement, traces peculiarities of their struggle against the historical background of the country and analyzes the main issues in this area today.

Keywords: the Commonwealth of Australia, the aborigines, William Cooper, Sir Douglas Nicholls, Neville Bonner, Charles Perkins, Ken Wyatt.

УДК 81,33

К. М. Абишева, Р. А. Айкенова,
К. Х. Абдрахманова, М. К. Ертаева

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

В статье акцентируется внимание на изучении различных подходов (социокультурного, культурологического, языкового и лингвокогнитивного, антропоцентрического), направленных на исследование пространства города. Доказывается необходимость рассмотрения урбанистического пространства в аспекте лингвоэкологии, поскольку информационно-коммуникативное пространство, представляющее собой совокупность информационных ресурсов, может выступать как благоприятная и неблагоприятная среда. Выявлены и описаны факторы неэкологичности городской среды.

Ключевые слова: урбанистическое пространство, лингвоэкология, урбанонимы, адаптированный перевод, воздействие.

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью осмысления и изучения в лингвоэкологическом аспекте урбанистического пространства человека. Окружение человека в рамках города рассматривается на основе различных подходов и в разных аспектах. 1. В социокультурном. В работах Ю. Хабермаса, Д. С. Лихачёва, Р. Редфильда, Е. Ю. Агеевой, И. В. Тулигановой акцентируется внимание на ценностно-символическом аспекте изучения социокультурного пространства города как одной из форм универсума культуры. 2. В культурологическом. Представители данного направления (М. Вебер, Т. М. Дридзе, С. В. Якишин и др.) рассматривают культурно-

коммуникативное пространство города в плане выявления особенностей культурно-духовной идентификации личности в пространстве города. 3. В языковом и лингвокогнитивном. Лингвокогнитивный подход к изучению речевого и языкового урбанистического пространства, актуализируемый в работах А. С. Щербак, И. В. Грошева, М. В. Голомидовой, Г. Г. Молчановой, А. М. Емельяновой, Р. М. Амировой, Е. Кныш и других концентрирует внимание на описании урбанонимов, эргононимов как наименований деловых, коммерческих объектов в языковом аспекте. 4. В антропоцентрическом. Этот подход, направленный на исследование экологии состояния человека

в урбанистическом пространстве, до сих пор остаётся слабо реализованным с точки зрения экологичности воздействия объектов информации на человека. А между тем, данный подход расширяет сферу исследования человека, благодаря совмещению интересов разных отраслей знания, изучающих экологию его среды.

В настоящее время в антропоцентрическом аспекте изучаются не только субъективное отношение человека к предмету мысли и оценка, но и его знания, убеждения, ценностные ориентации, репрезентируемые в концептах и объективируемые посредством языковых единиц. В данном случае исследователями используется антропоцентриско-когнитивный и прагматический подходы к изучению проблемы «человек в языке», «человек в речевой деятельности». Поворот в исследовании человека наметился в связи с формированием новой отрасли знания – эколингвистики, заостривший внимание на вопросах безопасности языка, подверженного на современном этапе влиянию массовой культуры, основным постулатом которой выступают нарушение нормы языка, нормы поведения. В своих исследованиях, посвященных экологии языка, ученые (В. И. Шаховский, Г. Г. Молчанова, С. В. Ионова, В. И. Шляхов, А. Л. Никонов, Н. Г. Солодовникова, М. И. Конюшкевич, А. Л. Шарандин и др.) изучают проблемы безопасности языка и речи, а также речевого общения коммуникантов.

Эколингвистика в настоящее время характеризуется как совокупность различных наук – лингвоэкологии (объектом её являются, согласно В. И. Шаховскому, Н. Г. Солодовниковой, «языко- / речехохранение и здоровье- сохранение с помощью языка») [12], эмотивной лингвоэкологии (объектом её является выявление параметров экологичности / неэкологичности общения и эмоций человека) [13], медиаэкологии (объект данной науки – сохранение безопасности медиaprостранства) [3], урбоэкологии, (объект данной науки – экология человека в урбанистическом пространстве). Понятийный аппарат и категории этой дисциплины всё еще не разработаны, более того, в самом наименовании городского пространства наблюдается терминологическая неупорядоченность. Сравним: «урбанистическое пространство города», «социально-экологическое пространство». Под урбанистическим пространством А. С. Щербак понимает «систему «урбанонимических единиц, служащих для выделения и обозначения линейных объектов» [14, с. 115]. По её мысли, «урбанонимическое пространство являет собой совокупность всех урбанонимических единиц, зафиксированных в исторических источниках и официальных документах, соотносимых с определенным населенным пунктом и временным срезом» [Там же]. «Информационно-коммуникативное пространство» рассматривается нами в более широком смысле как информационная среда человека, включающая в себя как сово-

купность информационных ресурсов (урбанонимов, информационных текстов), так и речевых действий. Такие действия, понимаемые «как полноценные проявления деятельности человека со всеми её компонентами: мотивами (намерением, интенцией), целями, способами и средствами их осуществления, результатами (речевыми произведениями), также предлагается рассматривать в парадигме «экологии существования» [5, с. 87].

При изучении информационно-коммуникативного пространства в центре внимания исследователей оказываются: проблема установления экологичности/неэкологичности данного пространства, выявление и описание факторов нарушения законов экологии при его формировании, определение степени экологического диссонанса и асимметричности урбанонимов, оказывающих воздействие на человека. Изучение вызывает большой интерес, ибо «речевая деятельность номинатора, порождающего урбанонимы (названия городских объектов: магазинов, кафе, ресторанов, салонов красоты, туристических агентств, жилищных комплексов), носит креативный характер, обусловлена активными языковыми процессами и прагматическими действиями номинатора» [8]. Результаты речевой деятельности номинаторов могут оказывать благоприятное или неблагоприятное воздействие на горожан. Благоприятные информационные пространства представляют условия для развития субъекта, а неблагоприятное ин-

формационное окружение угнетает его жизненный и производственный потенциал [9].

В настоящее время информационно-коммуникативное пространство мегаполисов становится небезопасным для горожан. Это обусловлено, во-первых, тем, что в данном пространстве, рассматриваемом как континуум урбанонимов, речевых и коммуникативных актов, рекламных сообщений, слоганов, неудачно адаптированных с иностранного языка переводов, совокупности медиадискурсов, могут функционировать конфликтогенные урбанонимы и другие продукты речевой деятельности номинаторов, порождающие скандальные тексты, нарушающие этические, эстетические и языковые нормы. Такие наименования характеризуются как скандальные и неудачные, разрушающие ономастическое пространство города [10] и представляющие собой «топонимическую плесень» [4]. Поскольку они оказывают вредное воздействие на здоровье человека, то их необходимо, по мысли Т. П. Соколовой, подвергать нейминговой экспертизе: «значительно возросло число городских названий, которые нарушают нормы языка и способны породить конфликтные ситуации в социуме. Такие конфликтные урбанонимы вовлекаются в среду правовых отношений и становятся объектами нового вида судебной лингвистической экспертизы нейминговой экспертизы [11]. Во-вторых, информационное перенасыщение городского пространства оказывает негативное воз-

действие на психику горожан, а манипулятивные приёмы, используемые рекламными компаниями, также способствуют разрушению психики человека. Суть манипулятивных приёмов в таком случае сводится к тому, чтобы превратить вещь – объект потребления – в языковой или символический знак. Она должна сделаться знаком, т. е. чем-то внешнеположным тому отношению, которое отныне она обозначает. Ж. Бодрийяр, акцентируя внимание на логике процесса безостановочного потребления, указывает, что современный потребитель, сталкивающийся с избытком вполне равноценных продуктов на рынке, делает свой выбор, исходя не из качества товара, а из товарной марки, которая его сопровождает. Поэтому потребление есть «деятельность» систематического манипулирования знаками», «у него нет пределов» [2, с. 33]. В-третьих, отмечается негативное воздействие на урбанистическую личность информационного поля средств медиадискурсов. Посредством телевидения, реже прессы, компьютера горожанин включается в обширные, компьютерные коммуникативные процессы. Их воздействие на человека чрезвычайно интенсивно [1, с. 33]. В-четвёртых, город, олицетворяющий современный образ жизни горожан, воплощающий их мировоззрение, с одной стороны, является средоточием культурной интеграции результатов деятельности горожан, их культуры, с другой – становится средством дезинтеграции, поскольку в нём рождаются разные мироощущения и

нетождественные интересы различных субкультур, срезов и групп, формирующих городское сообщество. Иными словами, «город постоянно дезинтегрирует себя самого, разрушает целостность социальной и культурной ткани и рождает феномены, склонные к дивергентному развитию» [6, 7]. В-пятых, неудачно адаптированные переводы с иностранных языков также способствуют отрицательному воздействию на человека. Г. Г. Молчанова обращает внимание на опасность глобальной лингвоэкологической угрозы, возникающей в языковой среде при сопровождающем межкультурную коммуникацию переводе [7], когда наблюдается «применение стратегии прямого или скрытого манипулирования в процессе переводческой межкультурной адаптации, имеющей целью неявное имплицитное воздействие на получателя, что является очевидным нарушением экологии языка» [7]. Лингвотоксичность неудачной адаптации при переводе на другой язык связана со стремлением переводчика приспособить текст к местным условиям. Например, «*Қуандығың бос мойын боп, шәрде қалмасын, сол қаланың қысқа етек қызына ұйленіп* (Д. Досжанов. *Терезенің жарығы*, с. 7. – 183). В переводе: *кто его знает, ох, кто его знает, – стал возражать старичок Есіркеп. – Вернётся ли сюда Куандык или нос задерёт и останется в городе, женившись на какой-нибудь Марусе, которая бегаёт в куцей юбке* (Д. Досжанов. *Когда я умирал*, с. 78). Перевод адаптирован к языку читате-

ля, на приспособленность его к языку и культуре другого народа указывают введенные в текст русский фразеологизм: *нос задрать*, обобщающее имя Маруся, но в переводе использованы необоснованные замены. *Бос мойын* (фразеологизм казахского языка) заменен на : *нос задерёт, в значении «горделивый»*). В нижеследующем тексте *Алжыган адамиша қайдағыны айтады екенсің!* (Д. Досжанов. Терезенің жарығы, с. 183), переводится в адаптированном виде. *Полно болтать, помело! Из ума выжил, что ли? – взорвалась старуха* (Д. Досжанов. Когда я умирал, с. 78). Переводчиком используются приёмы лексической и грамматиче-

ской трансформации, но данный приём лексической трансформации представляется нам не совсем удачным, ибо в русском тексте *помело* используется в значении *болтун*, что не соответствует контексту исходного текста, нарушает его стилистическую окрашенность, придавая ему более разговорный оттенок.

Таким образом, анализ факторов неэкологичности информационного пространства показывает, что они способствуют созданию неблагоприятной среды для урбанистической личности. Поэтому следует акцентировать внимание на изучении проблемы экологии городского пространства.

Библиографические ссылки

1. Анисимова И. В. Человек в информационном пространстве современного города // Парадигма: очерки философии и теории культуры. Вып. 4. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 32 – 36.
2. Бодрияр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 35.
3. Воробьёв В. П., Степанов В. Проблемное поле медиаэкологии // Вестник БГУ. Серия 4: Филология. Журналистика. Педагогика. 2011. № 2. С. 86 – 90.
4. Горбаневский М. В. Топонимическая плесень // Экология языка и речи : материалы междунар. науч. конф. Тамбов, 2012. С. 18 – 23.
5. Ионова С. В. Основные направления экономических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 1. С. 86 – 93.
6. Коган Л. Б. Городская культура и пространство. Проблема центральности // Развитие городской культуры и формирование пространственной среды. М., 1976.
7. Молчанова Г. Г. Лингвоэкология и современное состояние языка // Вестник Московского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 47 – 54.

8. Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Махиянова Л. Р. Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 328 – 333.
9. Смирнов М. А. Анализ показателей социального развития и возможностей их прогнозирования // Уровень жизни населения регионов России. 1997. № 11. С. 43 – 48.
10. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза в аспекте лингвоэкологии // Экология языка и речи. Тамбов, 2016. С. 188 – 193.
11. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство : монография. М., 2016.
12. Шаховский В. И. Солодовникова Н. Т. Лингвоэкология: объект, предмет и задача // Русский язык, литература в школе и вузе. Киев. 2010. № 1 (31). С. 22 – 29.
13. Шаховский В. И. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград, 2013.
14. Щербак А. С. Сфера урбанонимического пространства // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 36. С. 114 – 121.

**К. М. Abisheva, R. A. Aikenova,
К. Н. Abdrahmanova, M. K. Ertaeva**

INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE OF THE CITY AND ITS SECURITY PROBLEMS

The article focuses on the study of various approaches (sociocultural, cultural, linguistic and linguo-cognitive, anthropocentric) aimed at exploring the space of the city. The necessity of considering the urban space in the aspect of linguoecology is proved, since the information and communication space, which is a combination of information resources, can act as a favorable and unfavorable environment. The non-ecological factors of the urban environment have been identified and described.

Keywords: urban space, linguoecology, urbanonyms, adapted translation, impact.

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ
АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЛЮБОВЬ» В РАЗНОЖАНРОВЫХ
ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XIV – СЕРЕДИНЫ XVII в.**

Статья посвящена установлению способов лексической репрезентации лингвокультурного концепта «Любовь» и его изменению в рамках теоцентрической, а затем антропоцентрической языковых картин мира на материале разножанровых и разновременных памятников письменности конца XIV – середины XVII в. Отмечается связь описываемого концепта с христианской моделью картины мира и с пограничными аксиологическими категориями «милость», «верность».

Ключевые слова: концепт, аксиологические ценности, языковая картина мира, древнерусская литература, динамические изменения, эмоциональные универсалии.

Лингвокультурный концепт «Любовь» является ключевой аксиологической категорией, формирующей мировоззрение русского народа: он организует православную картину мира носителя древнерусского языка, связываясь с рядом других основополагающих категорий христианства. В памятниках древнерусской письменности конца XIV – середины XVII в. прослеживаются эволюционные изменения в структуре рассматриваемого концепта, связанные с переходным этапом в становлении национального мировоззрения.

Термин *концепт* используется в лингвокультурологии для обозначения некой ментальной сущности, функция которой состоит в сосредоточении компонентов знания о культуре в сознании человека. Ю. С. Степанов называет

концептом «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [4, с. 43]. Данными фактами объясняется его сложная многоуровневая структура. Так, современный культурологический подход представляет термин *концепт* в когнитивно-прагматическом аспекте. Такое сложное многоуровневое образование является синтезом различных пластов культурного опыта человечества. Он образуется взаимодействием различных по своей природе метафорического, аналитического, синкретического начал. Характер культурологических категорий подчас оказывается феноменальным. Следовательно, структура концепта оказывается нечеткой. В памятниках древнерусской письменности

рассматриваемого периода концептосфера «Любовь» образована взаимодействием категорий «Человеческое» и «Божественное». Способы репрезентации данного концепта в древнерусской письменности рассматриваемого периода находятся в логической связи с особенностями моделируемой в древнем сознании картины мира и специфики ее ориентации. Так намечается определенным образом структурированная система аксиологических категорий, в рамках которой доминантой выступает божественное начало в жизни субъекта. Особое место занимают такие характеристики Божьей любви, как сила и постоянство. Принципиальное отличие любви Бога к человеку состоит в неизменности данного состояния и пребывающей в нем вечной энергии. Так, слова Послания апостола Павла цитируются в Диоптре Филиппа Пустынника: Пророчества бо, – рече, – упразднятся и разуми престануть, любовь же николи же не отпадает¹ (Диоптр. Филипп. XV). Следовательно, *любовь* определяется как божественное по своей природе, не допускающее разумного толкования явление, выступающее обязательным компонентом сознания человека, роль которого состоит в раскрытии существенных особенностей внутреннего бытия субъекта. Условием реализации данного компонента служит связь субъекта с миром вечным, принципиально отличным

от существующей в сознании человека реальности. Отсюда дефиниции данного понятия реализуют временную и пространственную семантику: Любовь его **безмерную** воспринять (Расск. о см. Пафн. Бор). Также де и царь, великия власти по достоянию присных же вѣрует и любит **во веки** (Александр.). Разум человеческий принципиально отличен. Его характеризует такое свойство, как ограниченность, состоящая в невозможности познания природы категорий трансцендентального порядка. Следует отметить, что рационалистический подход в древнерусской литературе возникает в конце XV века. Геоцентрическая картина мира постепенно сменяется антропоцентрической. В центре внимания при этом оказывается сам субъект познания – человек. Представления о человеческой сущности есть представления о взаимодействующих началах, устремленных к единению и достижению целостности. Категория Любовь репрезентируется через категорию целостности.

В «Повести о Петре и Февронии Муромских» суть понятия «любовь» выражается посредством репрезентации христианской идеи супружества, изложенной в Евангелии: будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть (Мф., XIX, 5). Примечательно, что лексема *любовь* применительно к отношениям между мужем и женой в рассматриваемом тексте не употребляется. Для раскрытия идейно-философского содержания понятия «любовь» следует обратиться к христианскому пониманию катего-

¹ Примеры из древнерусских текстов цитируются по изд.: «Библиотека литературы Древней Руси». URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

рии единства. В памятниках древнерусской письменности старшего периода акцентируется внимание на едином характере человеческой сущности, которая включает в себя связанные между собой Дух, Ум и Плоть. В парадигме земных благ Ум занимает главенствующее положение и имеет своей функцией управление. Он есть «голова» (вершина), но все три рассматриваемые сущности находятся в движении до соединения с высшим Благом, до воссоединения с Богом. Не случайно в произведениях древнерусской письменности подчеркиваются такие качества людей праведных, как целомудрие, любомудрие, чистота и братолюбие.

Следующий период истории языка отражает изменения, произошедшие в сознании народа. Религиозная составляющая вступает в сложные отношения с фактами внешней действительности, которая анализируется и познается все более посредством разума. Рациональный подход определил специфику отношения к действительности, отразившуюся в письменности данного периода. Необходимо отметить, что следствием коренных изменений, произошедших в сознании людей, явился процесс «индивидуализации». Безусловно, этот процесс имеет непосредственное отношение к произведениям литературы. Д. С. Лихачев отмечает индивидуализацию на уровне жанра и стиля. Быт проникает в литературу, в сугубо церковные произведения и, можно сказать, становится своеобразным героем [3,

с. 14]. Отсюда столь популярный жанр бытовой повести, так широко представленный в литературе конца XV в. и более позднего периода. В XVII в. возрастает личностное начало в литературе, происходит рост индивидуального авторского начала. Процесс индивидуализации, ставший тенденцией в развитии древнерусской литературы, обнаруживает свои черты в большей степени в литературе XVII в. Благодаря внешним, а особенно внутренним конфликтам, в произведениях постепенно возникает динамичность, представленная в оппозиции статичности предшествующих произведений. Рассматривая систему признаков данного концепта, мы можем установить некоторые принципы его определения. В текстах интересующего нас периода существительное *любовь* формируется такими коллокациями, как *истинная*: то есть истинная любовь, кто положит душу за брата своего (Пов. Тим. Влад.), *духовная*: Исусом Христом, пришедшим в мир спасти, да сотвориши ми любовь духовную (Пов. Тим. Влад.), и вскоре изучиша божественнаго писания, и того ради иноцы его возлюбиша духовную любовию бысть же чтець божественнымъ книгамъ (Пов. папе Григ.), *великая*: И живяше он с нею великою любовию (Пов. Карпе Сутул.), *равная*: Никако же, человеце, занеже до всх любовь моя равна (Пов. о споре жизни и смерти), *нелицемерная*: Имей чада, истинную правду и любовь нелицемерную ко всемъ... чево самъ не любишь, того и другу не твори (Домо-

стр.); бо́жия: безо лжи любовь бо́жию сотворити и тамо иди (Пов. Тим. Влад.).

В древнерусском языке XI – XIV вв. наличие достаточного количества определений существительного *любовь* свидетельствует о его многозначности. Любовь божественная занимала одну из главных позиций в ориентированной по вертикали картине мира славян, вершиной которой был Бог. В более поздний период понятие «любовь» проникает в личную сферу человека, характеризуется как через призму понятия «Бог», так и через призму понятия «человек».

Вместе с обширным процессом индивидуализации, охватившим главным образом сознание человека, происходит «индивидуализация» любви. Можно полагать, как замечает Д. С. Лихачев, «что любовь, как судьба человека, индивидуализируется, часто становится его вторым бытием, отделяется от самого человека, персонифицируется» [2, с. 49]. Этим, в частности, объясняется наличие такого признака в семантике данного слова, как «сила». Как элемент психологической сферы, эмоциональная универсалия «любовь» оказывается неподвластной субъекту. Любовь в сознании древнерусских авторов сакральна, а «Сакральное в представлении древних народов – это реальное в его совершенстве, это одновременно и могущество, и действенность, и источник жизни, и плодородие» [5, с. 40].

Своеобразным условием для обретения высшего Блага выступает

целомудрие супругов. Это особый характер связи ума, являющего собой сущность духовную, и плоти, раскрывающей сущность телесную. Так, в «Повести о Карпе Сутулове» восхваляется разум целомудренный, ибо он есть истинный, ведущий к жизни праведной: И похвали ее целомудренный разум, яко ... таковыя любви с ними не сотворила. Речь в данном случае идет о власти сущности духовной, которая есть первичная, над сущностью плотской, которая ей подчиняется. В рассматриваемом примере целомудрие и страсть находятся в отношениях противопоставления. При этом лексема *страсть* в ряде контекстных употреблений служит обозначением понятия «любовь»: Ничто, речеши, тебѣ, много разъяреннѣ любовию будущаго твоего мужа, злых належащих в законех звѣздных нерадѣниемъ оставльших? (Из Троян. ист.). Подобное явление свидетельствует о нарушении изначально установленной гармонии между постоянно взаимодействующими фундаментальными образованиями: Духом, Разумом и Плотью. Лексема *любовь* содержит в своем компонентном составе семы со значением «содействие», «соединение».

В. В. Колесов считает, что в переводных текстах XIV века любовь связывается, в первую очередь, с верой и надеждой [2, с. 67]. Согласно христианским понятиям, устанавливается семантическая близость: «верный» – «верующий» (ср.: *благоверный* – «истинно верующий, праведный»). Данная лексема образует си-

нонимический ряд с такими лексемами, как *святой, праведный, блаженный*.

Содержание концепта «Любовь» раскрывается, главным образом, через восходящее еще к древнегреческому пониманию любви как привязанности, благосклонности, милости. Здесь интерес представляет семантическая близость лексем *милость* и *любовь*. В психолингвистическом аспекте данные лексемы объединяются наличием в своем составе эмоции особого рода: жалости, сострадания. Лексемы *милость* и *любовь* имеют общий семантический компонент, который определяется как «содействие», «соучастие», поскольку обязательно наличие так называемого объекта, к которому направлено особого рода чувство. Так, *милость* определяется как «сочувствие».

В польском языке *lubić* – «любить, симпатизировать», то есть иметь чувство по отношению к кому-либо, чему-либо», ст.-чеш. *lúbatí* «любить, целовать», современное *milovat* «любить, миловать». Глагол *miłować* в польском языке имеет значение «любить, лелеять, миловать». Литовское *mylėti* означает «любить» (испытывать чувство по отношению к

человеку), а *liuõbti* – «кормить, чистить».

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о взаимодействии семантических полей, образованных концептами «Любовь» и «Милость», и наличии сходных элементов в данных концептуальных пространствах. Связь с понятием «милость» обнаруживается в целом ряде лексем с корнем -мил-, представленных в русских говорах: *милаш* «любовник»; *миловать* «любить»; *милок* «любимый человек, возлюбленный»; *мила* «возлюбленная, возлюбленный»; *милёна* «любимая девушка, возлюбленная»; *милешенько* «ласково, с любовью».

Итак, рассматриваемая лингвокультурная категория занимает особое место в системе сознания славян, представляя собой ценности религиозно-нормативного порядка. Несмотря на эволюционный характер концепта «Любовь», обусловленный постоянным изменением психологического состояния субъекта и характеристики его личной сферы посредством теологических категорий, данный концепт остается потенциально изменчивым, поскольку обнаруживает способность к формированию новых уровней в своей структуре.

Библиографические ссылки

1. Библиотека литературы Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).
2. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб., 2001.

3. Лихачев Д. С. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997. Т. 1. XI – XII века.
4. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Языки русской культуры, 1997.
5. Шкуран О. В., Фоций К. П. Влияние средств массовой информации на десакрализацию концепта «Рай» в языковом пространстве // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 40 – 45.

T. F. Kuzennaya, S. N. Babulevich

**REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL AXIOLOGICAL
CONCEPT OF «LOVE» IN WRITTEN RECORDS OF DIVERSE GENRES
EXISTING IN THE XIVth – XVIIth CENTURIES**

The article deals with defining the ways of lexical representation of the linguistic cultural concept of «Love» and its transformations within the framework of theocentric and anthropocentric linguistic views of the world based on the written records of ancient Russia of diverse genres and historical periods. The text gives valuable information on the interconnections existing between the concept and Christian worldview with its related axiological notions “kindness” and “loyalty”.

Keywords: concept, axiological values, linguistic worldview, ancient Russian literature, dynamic transformations, emotional universals.

УДК 82.09:821.511.152

Н. Н. Левина, М. М. Акашкин

**СПОСОБЫ АВТОРСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
ТЕМАТИКИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОВЕСТИ МОРДОВИИ**

В статье рассматривается авторская интерпретация производственной тематики в жанре повести: специфика сюжетных ходов и композиционных вариаций, способы повествования, спектр художественных решений в постановке конфликтов, принципы создания персонажной сферы, методы и приемы раскрытия образов, формы постижения их внутреннего мира.

Ключевые слова: автор, повесть, тематический диапазон, производственная тематика, образ, персонажная сфера, художественное средство.

Последняя четверть прошлого столетия – период социально-политических и культурных преобразований – оказывается временем весьма продуктивного развития русской литературы Мордовии, характеризующейся усилением исследовательского, аналитического пафоса, расширением идейно-тематических границ, активизацией жанрово-стилевых поисков, обогащением поэтики писательских опытов, что в совокупности дало достойные художественные образцы.

Свои позиции в литературном процессе Мордовии обозначенного периода сохраняет повесть, наиболее способная к формотворчеству, коммуникативная, динамичная, фиксирующая события действительности и изменения в психологии человека. Писатели, работающие в актуализированном в данной статье жанре, традиционно обращаются к социальным и этическим проблемам жизни, продолжают традиции литературы предшествующих десятилетий, но в то же время прозаическому наследию каждого из них характерны напряженные индивидуальные творческие искания. Они «отвечают на вызов эпохи полнее, чем представители старшего поколения» [3, с. 59], вследствие чего очевидным становится факт того, что в литературе нынешней эпохи «много боли, в ней присутствует исповедальное начало» [Там же].

В последние десятилетия прошлого века, когда в республике Мордовия произошел интенсивный рост промышленности, в национальной художественной системе намети-

лась тенденция осмысления производственной тематики, начала зарождаться традиция изображения человека на производстве, раскрытия образа рабочего человека. Активный поиск художественных средств репрезентации личности рабочего человека, стремление раскрыть его характерные черты, индивидуальные особенности, внутренние интенции стимулировали появление интереснейших по своей проблематике художественных опытов. По мнению литературоведа В. Макушкина, «эта тенденция прочно связана с общими успехами мордовской литературы, и прежде всего с развитием прозы. Эпизация и историзм, ставшие характерной чертой мордовской прозы, коснулись и рабочей тематики. Все упорнее и настойчивее становятся попытки изобразить эту сложную тему в крупных жанрах прозы» [5, с. 210].

Писателями Мордовии был пройден психологический барьер в преодолении сложной темы рабочего класса. В литературе стали закладываться новые традиции, которые нашли воплощение в современной русскоязычной повести Мордовии. Художественную интерпретацию тема рабочего класса получила в повестях «Клен над обрывом», «Чудо-завод», «Заринское дело» А. Цапко, «Повесть будет продолжаться», «Заботы и радости Якова Аверкина», «Молодость дается только раз» А. Косенкова и др.

Имя А. Косенкова достаточно хорошо известно читателю Мордовии. Инженер-строитель по профессии, он в основном пишет о том, что ему хоро-

шо знакомо. Как справедливо отмечают исследователи, «изображает ли он сооружение заводского корпуса <...>, возведение ли романтически названного, но вполне реального объекта – Дворца радости <...>, начало ли большой стройки на берегу Амура <...>, или же пишет об устройстве территории детского городка <...> – всегда в центре повествования социальные и морально-этические проблемы современного рабочего коллектива строителей» [2, с. 213].

Творческое освоение рабочей тематики требует от писателя не только глубокого знания профессиональных тонкостей, но и психологии, круга интересов и устремлений современного рабочего человека. А. Косенкову хорошо известна эта сфера, поэтому в центре внимания автора находится не только полная, емкая и достоверная картина трудовой сферы персонажей, но и их личная жизнь, внутренние переживания и различные психологические состояния. На фоне трудовых будней, общественной жизни автор в различных ракурсах раскрывает персонажную сферу произведений. В повести «Молодость дается только раз» художник слова достаточно убедительно раскрыл жизнь молодых строителей с их непростыми судьбами, заботами, жизненными перипетиями, трудовыми буднями и победами.

Повествование в произведении ведется от лица главного героя Володи Бурова. Он приехал на Дальний Восток для проведения строительных работ. С первых же страниц повести ста-

новится очевидным, что Володя пользуется авторитетом, глубоким признанием среди товарищей. Они уважают его мнение, прислушиваются к нему. Буров не боится трудностей, он активный участник самых важных дел и событий в жизни строителей, делает все, чтобы трудовые будни не наскучили и не утомили их. Молодой строитель активен, уверен в себе, полон оптимизма. Эти же качества стремится вселить в своих товарищей. Образ Бурова является большой удачей автора и служит подлинным примером трудового героизма. Однако А. Косенков не ставит цель изобразить своего героя активистом-вожаком, напротив, он подчеркивает другое – внутреннюю цельность, чистоту, ответственность персонажа.

А. Косенков раскрывает образ главного героя с двух позиций: повествует о его трудовой деятельности, а также дает достоверную картину личной жизни. Личная, интимная жизнь – еще одно свидетельство чистоты души и светлых помыслов главного героя. Однако сюжетная линия, касающаяся личной жизни героя, противоречит естественному ходу событий. Автор дает картину первой, искренней, чистой, волнительной и, главное, взаимной любви в жизни главного героя. Логическим исходом взаимной любви должно было стать соединение судеб двух любящих людей. Ведь их отношения развивались на протяжении всего нарратива. Но в финале произведения происходит неожиданный и логически неоправданный разрыв личных отношений героев.

Исследователь литературы А. Брыжинский не поддерживает подобное решение А. Косенкова, считает, что автор «несколько обеднил образ, как бы смазал ту остроту назидательной, воспитательной функции, которую призван был нести в себе главный герой произведения» [1, с. 221]. Однако следует подчеркнуть, что лирические страницы повести во многом обусловили психологическую достоверность образа.

Персонажная сфера в повести построена по принципу контраста. Образу Володи Бурова, например, резко противопоставлен образ Паши Глущенко. Поляризация героев в повествовании вполне оправдана. Достаточно большое внимание писатель отводит мотивам поведения, индивидуальным чертам характера Глущенко. В раскрытии образа преобладают его отрицательные характеристики. Тем не менее по справедливому замечанию критиков и литературоведов [1; 2; 4], сюжетная линия этого персонажа не доведена до логического завершения. Недостаточно обоснована, например, быстрая перемена в нем в положительную сторону. Хотя автор и приводит некоторые доводы, объясняющие его исправление (например, трагическая гибель его товарищей), мотивы преломления этого характера все же являются спорными и неубедительными.

В целом автору удалось показать достоверную картину жизни строителей, удалось выявить те черты, которые необходимы современному человеку труда.

Русская литература Мордовии – это многоплановое явление с широким тематическим диапазоном, богатым спектром художественных решений. Однако богатство тематики, обилие сюжетных ходов и композиционных вариаций не освобождают писателей от главного предмета литературы – авторского осмысления человеческой личности, его переживаний, эмоционального фона, различных чувств и интенций, проблем взаимоотношений человека и общества. Если же этого нет, то ни закрученный сюжет, ни замысловатый ход событий не спасут произведение. Чтобы не допустить подобной ошибки, прозаики Мордовии, обращаясь к разработке новаторской традиции изображения национального рабочего класса, производственную тему не ставят как самостоятельную художественную ценность. Производственная сфера национальной жизни является лишь логически необходимым и художественно оправданным элементом повествовательного фона. Основное же внимание авторов направлено на осмысление процессов становления личности и характеров современных людей индустриального труда, их быта, семейного уклада, моральных и нравственных представлений.

Обозначенная мысль подтверждается повестью А. Цапко «Заринское дело», отличающейся своеобразием структуры. Сюжетно-композиционная организация произведения состоит из чередования трудовых будней главного героя в настоящем времени с карти-

нами из прошлой жизни. Основная часть повествования, где авторское время совпадает с временем сюжетным, ведется от первого лица.

В центре внимания автора находится Андрей Штурмин – редактор заводской многотиражной газеты, верный своим принципам журналист. С образом главного героя так или иначе связан весь сюжетный ход, главные события, коллизии и персонажи. Андрей всегда в курсе всего происходящего на заводе. Автор подчеркивает в нем такие черты характера, как справедливость и честность. А такой человек не может быть равнодушным к делам литейщиков, ко всему, что происходит на предприятии.

Автор часто сталкивает героя с разного рода проблемами, тем самым подчеркивая порядочность и принципиальность журналиста. Ведь он пытается скрупулезно разобраться в каждой конкретной ситуации, сделать правильные выводы. Эти характеристики особенно отчетливо проявляются в отношениях с начальником отдела Молиным. Последний, не отличающийся порядочностью, не проявляющий заботу о рабочих, неоднократно пытается переманить Штурмина на свою сторону.

Психология отношений двух героев раскрывается в основном через индивидуализацию речи, диалоги. Избранные автором приемы сопровождаются мыслями, внутренними монологами героев. В ходе общения Молин и Штурмин часто про себя делают выводы друг о друге. Включение внут-

ренних мыслей героев в процесс общения усиливает психологизацию образов, способствует более глубокому их раскрытию. В ходе повествования становится очевидным, что высшей целью Молина является материальное обогащение. Он, например, всячески препятствует внедрению автоматической линии на заводе «Центролит», поскольку с её пуском прикроются «шабашки», пополняющие личный бюджет начальника. Люди с такой жизненной позицией, как правило, скрывают свое истинное лицо. Так же и Лев Молин старательно маскирует свои намерения разного рода рассуждениями, показной заботой о людях и выполнении плана. Андрею удастся раскрыть его корыстные стремления. Он с помощью супруги Нины, бывшего редактора газеты Петра Ивановича доводит до сведения высшего руководства завода истинные намерения Молина, направленные на личное обогащение.

Андрей Штурмин – активный сторонник передовых методов хозяйствования, всеми силами способствует внедрению автоматической линии на заринском литейном заводе «Центролит». В этом вопросе у него есть единомышленники. Прежде всего, это бригадир Николай Матвеевич Кожурин. В этом образе автор воплотил нравственные черты рабочего человека. К профессии литейщика он приобрел и своих детей. Следует отметить образ Алексея Парчайкина, олицетворяющего собой современного молодого рабочего. Он мечтает стать операто-

ром на автоматической формовочной линии. Его лучшие черты отмечены бригадиром Кожуриным. По его словам, Алексей – это не чистоплюй, не белоручка, а человек со своей твердой жизненной позицией. А все вместе они, как подчеркивает автор, – люди с большой гражданской ответственностью.

Автор часто сталкивает главного героя с его антиподами. Это Лев Моллин, Валентин Каниськин и другие эпизодические персонажи. Жизненные перипетии и столкновения людей с разными моральными качествами и взглядами на окружающее способствуют более глубокому раскрытию характера Андрея Штурмина. Он включается в борьбу не только ради реализации социальных интересов, одновременно происходит внутренняя борьба ради самоутверждения, испытания собственных возможностей. Для подтверждения этой мысли автор использует такие композиционные приемы, как внутренние монологи, психологические анализы, размышления героя, диалоги, воспоминания.

В повествовательной структуре повести отводится место дневниковым записям Андрея Штурмина. Этот прием позволяет рассказать о событиях из прошлой жизни героя – картинах детства, армейской жизни, а также способствует более углубленному раскрытию его внутренних интенций, мотивов поведения и объясняет его нынешние стремления.

Для расширения и раскрытия персонажной сферы автор вводит эле-

менты эпистолярного жанра. Посредством художественного письма раскрывается образ Ивана Штурмина, брата Андрея.

Образ Ивана Штурмина и способности его раскрытия достаточно специфичны. Он погиб во время войны, совершая боевой вылет. Поэтому прямое столкновение с ним в повести отсутствует. Одна из особенностей раскрытия его образа – знакомство с ним через воспоминания и письма родственников и знакомых. Письма-воспоминания содержат множество фактов из жизни Ивана Штурмина, характеризующих его только с положительной стороны. Он был человеком творческим, мечтал сконструировать свой самолет. Все воспоминания о нем так или иначе связаны с его мечтой стать летчиком.

Можно указать на ряд недоработок повести: перенасыщение лексики специальной терминологией, упрощенное изображение руководства завода. Однако отмеченные недостатки не имеют принципиального значения. В целом, сосредоточив внимание не только на изображении производственных процессов, но и на самом человеке, его внутреннем мире, взаимоотношениях в трудовом коллективе, автору удалось достаточно убедительно раскрыть образ современного рабочего человека, показать широкий спектр необходимых ему качеств. Автор сумел показать процесс внедрения передовых методов работы и дать свою принципиальную оценку научно-техническому прогрессу. Индивиду-

ально-авторская позиция в повести заключается в художественном раскрытии образа рабочего нынешней эпохи, человека труда, а также современного производства.

В современный период развития русскоязычной повести Мордовии художественное исследование производственной тематики и образа рабочего в творчестве писателей занимает достойное место. Наряду с классическими темами авторы осмысливают и обращаются к постановке такой проблемы, как «производственная» сфера жизни. Воплощая новаторскую традицию изображения рабочего класса, писатели Мордовии подчеркивают, что именно такие передовые рабочие, как Кожурин («Заринское дело» А. Цапко), Буров («Молодость дается только раз» А. Косенкова), Аверкин («Заботы и радости Якова

Аверкина» А. Косенкова) и другие, помогают добиваться высоких производственных показателей, не боятся открыто выступить против того, что мешает достичь лучших успехов в труде.

Таким образом, производственная тематика в русскоязычной повести Мордовии находит различные способы авторского осмысления. Творческие силы прозаиков направлены на воссоздание образа современного рабочего человека, его профессиональной сферы и окружающей действительности. Их повести отличаются стремлением изобразить не просто внешнюю канву событий, но, главным образом, обоснованием мотивации поступков героя. Диапазон художественных средств авторов достаточно широк и включает в себя целый комплекс разнообразных методов и приемов.

Библиографические ссылки

1. Брыжинский А. И. В братском содружестве // Родные напевы : лит.-худож. сб. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. С. 217–225.
2. Васильева Р. П., Васильев Н. Л. Русская литература Мордовии : Основные тенденции развития // Современная мордовская литература (60 – 80-е годы) : в 2 ч. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. Ч. 2. С. 203 – 250.
3. Костылева И. А. Феномен «нового реализма» в русской литературе XXI века [Электронный ресурс] // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2014. № 2 (2). С. 58 – 65. Режим доступа: http://www.sci.vlsu.ru/main/izdanie/vestnik/journal_2.pdf (дата обращения: 11.02.2020).
4. Левина Н. Н. Повесть в системе жанров мордовской литературы : учеб. пособие. Саранск : Тип. «Прогресс», 2010. 88 с.
5. Макушкин В. М. Раздвигая горизонты // Проблемы современной мордовской литературы. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1979. С. 207 – 216.

**WAYS OF THE AUTHOR'S UNDERSTANDING OF THE PRODUCTION
THEME IN THE RUSSIAN-LANGUAGE NOVELLA OF MORDOVIA**

The article considers the author's interpretation of the production theme in the novella genre: the specifics of plot moves and compositional solutions, methods of narration, the range of artistic solutions in the setting of conflicts, the principles of creating a character sphere, methods and techniques for revealing images and forms of understanding their inner world.

Keywords: author, story, thematic range, production theme, image, character sphere, artistic mean.

УДК 81'1(043.3)

Н. В. Лешкова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

В статье предлагается рассмотрение синтаксических особенностей построения православных проповедей как нашего периода, так и уже вошедших в историю материалов. Проанализировано содержания проповеди, своеобразие ее коммуникативного направления, уровень образованности, религиозности адресата и другие факторы, то что непосредственно влияет на синтаксические ресурсы православной проповеди.

Ключевые слова: православная проповедь, священник, прихожане, паства, предложение, лексика.

Последние десятилетия усиленное внимание лингвистов вызывает религиозная проповедь как разновидность речевого жанра, прежде всего, с точки зрения ее коммуникативно-прагматической организации. Без указания на то, как определенная языковая единица или категория ведут себя в тексте, понимание природы языка оказывается неполным, поскольку изучать текст без человека, который его вос-

производит, невозможно. Именно текст отражает образ мира, запечатлевает динамику мысли и способы ее экспликации с помощью языковых средств. Коммуникативное взаимодействие характеризуется наличием цели и мотива, результативностью и нормативностью. С учетом этих факторов коммуниканты осуществляют совместную деятельность, регулируя поведение друг друга.

Проповеди русских православных священников давно и плодотворно изучаются лингвистами, синтаксические особенности являются предметом подробного изучения таких языковедов, как Е. В. Бобырева, В. А. Бурцева, О. В. Морозова, М. Б. Расторгуева, И. И. Чельшева и др. Наиболее распространенными особенностями синтаксического построения православной проповеди в русском языке являются:

1) превалирование сложных предложений над простыми: *Вот почему приведение детей в храм — это одна из самых главных задач воспитания младенцев* (Патриарх Кирилл). *Она стала способной стать Матерью Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа* (Патриарх Кирилл);

2) использование вводных слов для передачи логической последовательности мысли: *Конечно, обращаясь к Богу с просьбой помиловать, мы в том числе просим простить наши грехи, наши беззакония, нашу нечистоту* (Патриарх Кирилл). *Нет, дорогие мои, возможности человека ограничены* (арх. Иоанн (Крестьянкин));

3) частое употребление причастных и деепричастных оборотов (как обособленные определения и обстоятельства) встречаются довольно часто: *Отроки, не зная детского простодушия, играют во взрослых, в одуряющих химических веществах они ищут особых видений и ощущений, зачастую находя в них смерть* (арх. Иоанн (Крестьянкин)). *Бывает, что даже некоторые священнослужители, совершая богослужения, зная наизусть молит-*

вы, сердцем не молятся (Патриарх Кирилл);

4) осложнение предложений однородными и уточняющими членами предложения: *Входите в новый мир, в котором вы хотите забыться, отдохнуть, а может быть, и вдохновиться, набраться сил* (еп. Григорий (Лебедев)). *Но регулярно просить помощи Божией, вздыхать ко Господу, благодарить Его за полученные дары, просто вспомнить о Боге — это и означает чувствовать Божие присутствие в своей жизни* (Патриарх Кирилл);

5) с целью создания высокого стиля, экспрессии, апелляции к чувствам прихожан, для аргументации слов священника используется частое цитирование Библии, Священного Предания, молитв, псалмов: *Вот почему молитва в храме имеет особый смысл, значение и силу, «ибо там, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20)* (Патриарх Кирилл). *У этого гроба мы слышим песнь: «Не рыдай Мене Мати, восстану бо и прослаблю верою и любовью Тя величающих»* (свщмч. Серафим (Звездинский));

6) употребление различных стилистических приемов в виде анафоры, риторических вопросов, параллелизма, конструкций «вопрос-ответ»: *Что значит ходить перед лицом Божиим? Это означает чувствовать Божие присутствие, осознавать, что Бог рядом. А если Бог рядом, то как можно оскорблять Бога, как можно совершать то, что противно Богу?* (Патри-

арх Кирилл); *Что колеблемая слава? Что человеческое изменчивое почитание? Что знаки внимания, хотя бы и самые ценные? Все это – обманчивая тень. Не обманет только сырая земля...* (еп. Григорий (Лебедев));

7) характерным для церковнославянского языка является наличие инверсии согласуемого компонента в словосочетаниях: *...сначала за мраком наступает переходное время – предрассветные сумерки... Он освятил землю возлежанием во гробе, освятил растения, допустил Свое погребение в саду Гефсиманском* (свщмч. Серафим (Звездинский));

8) неполные предложения часто используются в проповедях священнослужителей для облегченного понимания прихожанами смысла проповеди: *Колос должен вызреть. А иначе?* (митр. Владимир (Сабодан)). *Только ли любовь?* (св. Лука (Войно-Ясенецкий)).

Несомненным является тот факт, что простые в синтаксическом плане конструкции встречаются в основном только в случаях, если это прямая речь, в церковно-религиозных проповедях [1, с. 305]: *Еще один вопрос. Получается так: если мы действительно называем себя православными христианами, мы должны выполнять все заповеди, которые нам даны в Священном Писании.*

– *Не совсем* (Патриарх Кирилл);

9) частое использование распространенных обращений, чтобы передать доброжелательное отношение священника к людям, чтобы проповедь проникла в души прихожан: *Дорогие*

братья и сестры!; Всечестные Отцы! Дорогие и возлюбленные в Господе Преосвященные архипастыри, всечестное пресвитерство и диаконство, боголюбивое монашество и все верные чада церковные! Как правило, обращение является конкретным. Это может быть апелляция к силам небесным, к группе лиц (к прихожанам), к неживым существам (например, к Земле или городу): *Ваше Высокопреосвященство, досточтимый владыка Владимир! Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры!* (Патриарх Кирилл).

Частым явлением является использование глагольной лексики, которая служит в проповеди своеобразным проводником установления речевого контакта: *слушайте, слушайте, говорю вам, обращаюсь к вам, вспомните, понимайте, знайте, скажите* и т. п. Такое общение можно считать скрытым диалогом, так как ответной реакции предположить невозможно, как правило – это внутренняя реакция любого человека на сказанное: *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел* (арх. Кирилл (Павлов)).

Любая проповедь оглашается с целью побудить ответную реакцию, желательно позитивную, если не вербально выраженную, то такую, что рождается в душе человека. Однозначно, с целью заручиться молитвенной поддержкой в тексте проповеди звучат обращения к Богу, Божией Матери и святым в конце проповеди от 1-го лица множественного числа (напр.: *Святи-*

тели, мученики наши, страдальцы наши, преподобные, подвижники наши, праведные, блаженные, юродивые... Войдите же, угодники наши, и пребудьте с нами! (еп. Григорий (Лебедев));

10) в проповеди всегда звучат побудительные предложения с предикатом в форме глагола 1-го лица множественного числа, которые выражают приглашение вместе с проповедником сделать определенные шаги, важные для спасения души: *Поэтому будем благодарны Богу, дивному во святых Своих, и в молитвах к угодникам Божьим просить для себя милости, мира, чистоты и святости* (митр. Владимир (Сабодан)). *Скажем словами святого апостола Иакова: долготерпите и вы, укрепите сердца ваши...* (арх. Кирилл (Павлов)).

Следует отметить, что священник показывает людям, что все одинаково равны, что нет различных уровней, что никто не унижен, тем самым он реализует на своем примере Библейскую заповедь. Поэтому в проповеди не употребляются побудительные предложения, которые несут в себе приказ или категорический запрет: *Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Иоанн Златоуст);

11) для проповеди важным является акцент на цели, причине, последствиях какого-либо действия или явления, поэтому в ней часто встречаются сложные придаточные компоненты с несколькими придаточными, при этом

придаточные части нанизываются одна на одну: *И чем раньше начинается воцерковление личности, тем сильнее ее религиозность, а значит, тем сильнее убеждения, в том числе нравственные, которые формируют личность, делают ее сильной, не приемлющей зла, открытой к добру. Ту самую личность, которая является общественным идеалом* (Патриарх Кирилл). Такого типа конструкции строятся по схеме «время – результат / событие» или «время – цель»: *Нужно, чтобы даже когда тело спит, отдыхает, душа бы бодрствовала, молилась* (свщмч. Серафим (Звездинский)).

Священник оглашает проповедь с целью не только показа или констатации фактов, событий или отношений, а для установления и передачи их причинно-следственной связи. Это в дальнейшем создаст полную, законченную картину того, что происходит при включении указанного события или отношения в общую картину бытия [1, с. 307];

12) актуальным для адресанта с точки зрения проповедника является использование предикативных конструкций. Они имеют один и тот же объект или субъект отношения и нанизываются одна на одну, выполняя функции концентрации внимания. Таким образом автор высказывания делает акцент на предикативной части, где и содержится важнейшая информация.

При повествовании для передачи последовательности событий часто используют предикативные конструкции, а также повторы предикативных

конструкций с целью акцентирования внимания прихожан на действиях, которые способствуют дальнейшему духовному росту, или, наоборот, на действиях, ведущих к гибели. Этот прием усиливает важность фрагмента высказывания, его экспрессию, придает тексту определенный мистический окрас: *Вспоминая в этот день святых Богоотец Иоакима и Анну, вспоминая в этот день Пречистую и Преподобную Деву Марию, восшедшую по ступеням в храм Божий, давайте помолимся о наших родных и близких, особенно о тех, кто проходит через испытания в семейных отношениях, дабы Господь приклонил к ним милость, укрепил в сердце любовь, дал мудрость и силу преодолевать конфликты, сохраняя отношения между самыми близкими людьми — между мужем и женой, между родителями и детьми, чтобы в атмосфере любви и единомыслия происходило становление детей, формирование личности и реализовывался запрос на человеческое счастье, который есть в сердце каждого человека и который многие стремятся реализовать именно в семейной жизни. И да поможет Господь всем тем, кто несет свое служение в качестве мужа или жены, отца или матери, всем тем, кто с ответственностью относится к сохранению семьи и воспитанию детей, быть успешными на этом непростом, но святом поприще* (Патриарх Кирилл).

Частое использование союза «и» в предложениях не дает прихожанам потерять логическую последователь-

ность услышанного, создает эффект ожидания, а также обеспечивает связность речи, формирует повтор синтаксической конструкции: *И вот этот Лев, от гласа которого дрожали бы земля и море, добровольно отдает Себя в руки окаянных лисиц* (св. Лука (Войно-Ясенецкий));

13) для концентрации на атрибуте – качестве или характеристике человека, с целью рассмотрения интерпретации этого качества с точки зрения религиозной морали, норм религиозного миропонимания с самого начала используется синтаксическая конструкция «Определение/объяснение – интерпретация определения»: *Чтобы быть достойными звания христианина, мы должны, как апостол Павел, умереть для всего греховного и жить для всего* (митр. Владимир (Сабодан)); *Нард – чудное благоуханное миро такой цены, что его держали в драгоценных хрупких сосудах с узким горлышком, чтобы миро вытекало из флакона по капле* (свщмч. Серафим (Звездинский)).

Следует сказать, что в православной проповеди часто употребляются такие стилистические фигуры, которые передают мысль таким образом, чтобы выделить особенности построения мысли священника. Благодаря такому строю фраза получает содержательную глубину и выстраивается нелинейно, потому что связи ее элементов образуют сложное содержательное пространство [2, с. 200]. Стилистические фигуры, которые употребляются в православной проповеди,

мы можем условно разделить на фигуры выделения (они наслаиваются путем добавления, пропуска, полного или частичного повтора, видоизменения, перестановки или распределения слов, словосочетаний или частей конструкции). Конструктивные схемы представления содержания представляют собой фигуры выделения, с помощью которых сопоставляются или подчеркиваются те или иные аспекты мысли. Также это могут быть фигуры диалогизма – риторические фигуры, которые используются для создания

диалогического эффекта в монологической речи, то есть это включение в речь адресата элементов, которые представляются как мнимый или реальный обмен репликами между ритором, аудиторией или третьим лицом [2, с. 221].

Таким образом, на синтаксические ресурсы православной проповеди влияют и характер содержания проповеди, и своеобразие ее коммуникативного направления, и уровень образованности, и религиозность адресата, и другие факторы.

Библиографические ссылки

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики : монография. Волгоград : Перемена, 2007. 385 с.
2. Волков А. А. Курс русской риторики. М. : Изд-во храма св. мц. Татианы, 2001. 480 с.
3. Прохвятилова О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 495 с.
4. Проповеди Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/patriarch /38019/> (дата обращения: 20.02.2020).
5. Еп. Серафим (Звездинский). Хлеб Небесный. Проповеди о Божественной Литургии. М. : Сестричество во им. преп. муч. великой кн. Елизаветы, 1996. 78 с.

N. V. Leshkova

SYNTACTIC FEATURES OF ORTHODOX PREACHING

The article offers a review of the syntactic features of the construction of Orthodox sermons of our period, as well as materials that have already gone down in history. The content of the sermon, the originality of its communicative direction, the level of education, the religious character of the addressee and other factors that directly affect the syntactic resources of the Orthodox sermon have been analyzed.

Keywords: Orthodox sermon, priest, parishioners, congregation, sentence, vocabulary.

КОНЦЕПТ И КОНЦЕПТОСФЕРА В АСПЕКТЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена описанию «Топонимического словаря Забайкальского края», изданного в 2017 г. Обсуждается новый концептуально-этимологический подход к систематизации топонимов Забайкальского края. Анализируются понятия концепта и концептосферы в применении к систематизации топонимического пространства любого региона. Рассматривается процесс категоризации с позиции структурирования системы топонимов региона. Приводятся фрагменты словарных статей как в этимологической, так и в концептуальной интерпретации.

Ключевые слова: ономастика, топонимический словарь, этимология, категоризация, концепт, концептосфера, народная этимология, полиэтническая территория.

Как известно, слово с древних времен имело большую смысловую нагрузку, которая не только отражала «суть» вещей, но и помогала ориентироваться в пространстве. Такую функцию выполняли топонимы, наиболее закрытый и загадочный разряд ономастики, так как происхождение многих географических названий уходит корнями в глубокую древность. Таким образом, современному человеку приходится «раскапывать» смысл многих названий географических объектов. Работа по развитию отечественной топонимической лексикографии традиционна и актуальна во все времена. Практически каждый субъект Российской Федерации имеет свой региональный топонимический словарь, где проработанность этимологии зависит от тех задач, которые ставит автор,

проводя исследование рождения и развития топонима в тот или иной период.

Топонимическая система любого региона имеет как общие, так и специфические черты формирования, так как имя собственное – явление социальное и отражает в процессе своего возникновения как лингвистические, так и экстралингвистические закономерности. В то же время методика исследований совершенствуется, что дает возможность более глубоко раскрыть многомерность аспектов в интерпретации формы и содержания имен собственных, что находит отражение в лексикографии. Соответственно, наблюдается динамика издания топонимических словарей различной направленности, в которых отражается основной путь реализации лексикографического метода в процесс исследования языковых объектов [3; 4].

Предваряя анализ топонимического словаря Забайкальского края, есть необходимость заметить, что изучение географических названий Восточного Забайкалья велось фрагментарно. В основном это описания результатов путешествий русских экспедиций, где наиболее яркими представителями являются Д. Г. Мессершмидт (1724), С. П. Крашенинников, И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер (1735), И. Г. Георг и П. С. Паллас (1772), И. Сиверс (1791), М. А. Кастрен и В. В. Радлов (1845), И. Д. Черский (1875), К. Риттер (1879) и др. На современном этапе делаются попытки анализа основных принципов номинации географических названий, исследуются характерные особенности местных географических терминов в работах П. Б. Балданжапова, Б. В. Башкуева, М. Н. Мельхеева, В. Ф. Балабанова, М. Кулыгина, А. И. Гурулева, Д. Цырендашиева, А. Филинова, В. Цыбенова, В. Пищугина, В. И. Шмидта, П. А. Лескова, Р. Г. Жамсарановой, Л. В. Шулуновой [11, с. 3]. Соответственно, тщательный сбор материала и как следствие – составление топонимического словаря – результат всестороннего изучения русской топонимии Забайкальского края.

Сложность в интерпретации собранного материала в разные периоды его сбора заключается в том, что топонимическая система Восточного Забайкалья (Забайкальского края) имеет множество «наслоений» ввиду того, что эту систему формировали переселенцы из разных регионов России, имеющие свои языковые особенности.

Когда переселенцы осваивали новую для них территорию, они принимали активное участие в присвоении названий определенным объектам новой территории, зачастую отражая в топонимах свое восприятие, свои впечатления, возникавшие при знакомстве с новой реальностью.

Систематизируя географические названия, мы исходили из того, что в основе любой топонимической системы находится единство территории и языка. В то же время анализ ментального бытия носителей языка может быть мотивирован и тем фактом, что данный аспект имеет большое значение при формировании топонимической системы, так как самобытность любого топонима, с точки зрения ментальной составляющей, имеет определенную корреляцию как с конкретной деривационной моделью, так и с конкретным лексическим наполнением.

За основу было взято понимание того, что любая номинативная деятельность – результат акта коммуникации, в результате которого интерпретация номинации происходила с позиции учета человеческой ментальности, т. е. фрагмент языковой картины мира связывался с топонимической системой.

Любой характерный признак объекта, как правило, имеет тенденцию воплощения в имени собственном, тем самым выступая в качестве идеи названия при создании языкового знака для объекта внеязыковой действительности. В то же время чувственное восприятие мира способству-

ет формированию в человеческом сознании отдельных конкретных концептов. Таким образом, когнитивный подход к анализу топонимов имеет основную мотивацию в том, что географические названия имеют свойство фиксировать специфические, выделяющиеся признаки объектов окружающей действительности через осознание их человеком.

Как известно, в основе номинации находятся результаты процессов восприятия, которые относятся к сферам деятельности человека: физиология, интеллект, эмоции и т. п. Используя характерный признак объекта в качестве основы для номинации объекта, человек привлекает тот или иной орган восприятия. Перцепция (восприятие) порождает эмоции, интеллектуальную оценку воспринимаемого объекта действительности. И это неслучайно, так как при номинации объектов восприятие всегда первично, и уже на его основе приходят в действие другие системы.

Итак, система топонимов как элемент общей языковой системы отражает сознание конкретного этноса в виде коррелирующих когнитивных фреймов, отражающих фрагмент языковой картины мира носителей языка.

Такое подробное вступление к анализу словаря раскрывает основную идею описания топонимов. **Цель** составления топонимического словаря – систематизация топонимов на основе традиционного (этимологического) подхода в сочетании с когнитивно-прагматическим подходом, ко-

торый дает возможность отразить деятельность человека в процессе освоения и фиксации в языковых знаках пространства с позиции мыслительной, интеллектуальной, эмоциональной сторон перцепции окружающей действительности.

Основным **источником** словаря являются около 5 000 географических названий (собственно русских и частично адаптированных), полученных извлечением из географических карт региона масштабом 1:100 000, что дает возможность наиболее широко представить топонимическое пространство Забайкальского края, сформированное в последние десятилетия.

СОСТАВ СЛОВАРЯ

«Топонимический словарь Забайкальского края» отличается от существующих топонимических словарей как по своей структуре, так и по своему содержанию.

Структура словаря включает следующие разделы:

- 1) принятые сокращения;
- 2) наиболее употребляемые суффиксы;
- 3) введение;
- 4) I часть. Этимология топонимов Забайкальского края;
- 5) II часть. Концептосферы и концепты топонимического пространства Забайкальского края: Мир, Природа, Человек;
- 6) библиографический список.

Как видно из перечня частей словаря, материал в нем представлен таким образом, чтобы облегчить восприятие информации для людей, не

слишком хорошо знакомых или вообще не знающих историю региона.

Введение представляет интерес прежде всего с точки зрения включения исторических сведений, где отмечается тот факт, что в русской топонимической системе Забайкальского края отразились результаты освоения края в результате многослойной миграции населения, принесшие не только свои языковые особенности, но и свое восприятие чужой языковой среды.

Характеризуя первую часть словаря, стоит отметить, что она традиционна. Традиционность заключается в том, что в данную часть включена этимологическая характеристика топонимов с точки зрения как лингвистов, так и краеведов, проживающих в данном регионе. Иначе говоря, первая часть словаря имеет в большей степени научно-популярный характер, так как содержит не только строгие научные этимологические изыскания, но и отражает фольклорную мотивацию, версии, возникшие в результате «народной этимологии». Кроме того, словарная статья включает (по возможности) время основания (для ойконимов); историю возникновения названия, языковое происхождение и фонетико-словообразовательные изменения. Такой подход оправдывает разнообъемность словарных статей. В конце каждой словарной статьи присутствует информация об источниках отраженных в статье версий происхождения топонима.

Так, гидронимы, оронимы, как правило, описываются в небольших

статьях, так как они наиболее стабильный пласт топонимии. В свою очередь, ойконимы представлены большими описаниями, что связано с частым переименованием населенных пунктов, а также включением в словарную статью знаменательных событий и исторических фактов, отличающих определенный населенный пункт.

АКША, река, приток реки Онон; **АКША**, село (Акишинский р-н). Основано в 1750 г. как Акишинское селение по названию реки Акиши; с 1851 г. до 1924 г. – окружной город. В. Ф. Балабанов пишет, что, по словам одного из жителей Акиши, деревню, основали «торговые люди из Тотьмы, Вологодской губернии, прибывшие в Сибирь в 1651 г.». Происхождение названия связывают с названием растения из семейства ситниковых, которое буряты называют «оджирсо». Местные жители объясняют, что Акиша названа в честь какого-то «седобородого жителя». Тюрк. термин аксу обозначает «белая, чистая вода». Отсюда и объяснение – «седой, белый человек». В свою очередь, М. Н. Мельхеев связывает название с бур. ахаши(г) – «старшенький» [1].

АМБОМ (АМБОМ, АМБОМКА, АМБОНСКАЯ), гора (Хилокский р-н). Священное место для бурят, когда-то главное "обо" в верховьях реки Хилок. До 30-х гг. 20 в. проводились бурятские обряды. Происходит от названия явления, связанного с ламаизмом-обо, которое пришло в Забайкалье из Тибета. Обозначает кучу сложенных пирамидой камней, посвя-

ценную буддийским молитвенным обрядам. Известно, что раньше на горе Амбом совершались религиозные обряды и проводились священные праздники.

ЧИТА, река; **ЧИТА**, город, областной центр. Основан в 1653 г. как поселок Ингодинское зимовье, так как расположен при впадении реки Читы в реку Ингоду. Однако уже в источнике 17 в. селение выступает под названием слобода Читинская, позже преобразованная в Читинский казачий острог, а затем в село. В 1851 г. образован город Чита. Относительно толкования происхождения топонима существуют различные точки зрения, каждая из которых отражает какие-либо особенности рельефа, расположения, климата данной территории.

Так, Е. М. Поспелов считает, что топоним образован от эвенк. слова «чита» – «глина»: «Название отражает реальные особенности грунта ее долины, которая сложена, особенно в нижней, приустьевой части, глинисто-илистыми вязкими речными наносами».

В. Немеров в своей книге «Чита. История. Памятные места. Судьба» приводит 7 версий объяснения топонима: 1) от эвенк. имени Чита; 2) от эвенк. слова «чата» или «чатала» – «глина»; 3) от ороch. чита – «берега»; 4) от эвенк. чатэ – «черная земля», «уголь»; 5) от уйгур. чыт – «жилище»; 6) у нивхов читы – «колодец»; 7) слово носит собирательный характер и в переводе с языков народов Восточной Азии обозначает «вода».

Разнообразие языковых фактов, исторических, географических, экономических и этнографических данных выступает достаточной доказательной базой не только для этимологизации имен собственных, но и для показа взаимосвязи всех данных в качестве полноты аргументации для имени собственного.

Вторая часть словаря называется «Концептосферы и концепты топонимического пространства Забайкальского края», где содержатся данные о результатах восприятия и осознания первопоселенцами топонимического пространства. При создании этой части мы исходили из той информации, как человек ориентируется в мире, т. е. проявляет познавательную деятельность.

При выделении концептов и группировки топонимов в соответствии с ними мы брали за основу теоретическое осмысление установки, что любая когнитивная деятельность является основополагающим актом в процессе номинации, так как данный процесс направлен лишь на те объекты географического пространства, которые вовлекаются прямо или косвенно в деятельность человека. Соответственно, в целях адекватности процесса категоризации пространства была использована модель выделения концепта имени собственного, основанного на теории М. В. Голомидовой, интерпретирующей концептуальность имени как совокупность определенных языковых и экстралингвистических знаний, связанных с использованием

ономастического знака носителями данного языка [5, с. 52].

В соответствии с изложенной позицией на процесс категоризации пространства, систематизация топонимов Забайкальского края происходила, в первую очередь, на основе анализа процессов познания окружающей действительности: первичное восприятие → идентификация → осмысление информации, полученной на основе перцепции, для создания имени собственного.

Интерпретация топонимов представлена с двух позиций: информация «от человека» и «о человеке». В основе номинации, совершаемой «от человека» находится результат процесса восприятия определенного объекта окружающей действительности через органы чувств в совокупности с результатом анализа собственного прошлого опыта. В свою очередь, концептосфера «Человек», в которой содержится информация «о человеке», репрезентируется концептами, несущими результат осмысления общественно-исторического опыта человека. Одновременно с этим отбор приоритетных пространственных координат при категоризации пространства соотносится с национально-культурной спецификой пространственного мышления этноса.

Все концептосферы и составляющие их концепты, отражающие принципы русской топонимии Забайкальского края, были условно поделены на несколько групп (концептосфер):

– информация «от человека»: концептосферы «Мир», «Природа»;

– информация «о человеке»: концептосфера «Человек».

В словаре все топонимы систематизированы по определенным концептам, которые соответствуют выделенным концептосферам. Каждый концепт включает несколько мотивирующих признаков, характеризующихся набором семантических признаков. Перед систематизацией топонимов по соответствующим концептам дается краткая характеристика концепта. Приведем пример выделенной концептосферы «Пространство» и составляющих его концептов. Каждая выделенная концептосфера сопровождается небольшим описанием факторов ее выделения.

ПРОСТРАНСТВО

Принято считать, что пространственное положение объекта – это параметры его формы, размера и структуры частей [9, с. 8]. Константность как основополагающий параметр восприятия дает возможность говорить о влиянии прошлого опыта человека на результат восприятия. В свою очередь, визуальная идентификация есть доступ к информации о внешних признаках объекта, особенностях его структуры. В процессе такого вида восприятия человек выделяет отличительные черты объекта, которые и кладет в основу названия. Таким образом, расположение в пространстве, форма, размер – основные мотивирующие признаки, выделенные человеком в результате зрительного восприятия и идентифи-

кации объектов в русской топонимии Забайкальского края.

Расположение в пространстве

Местоположение объекта по отношению к другим объектам может иметь двойной характер: включение фигуры во внутреннее пространство фона и локализация объекта за его пределами. Внешнее пространство можно интерпретировать с позиции нескольких параметров: 1) «... расстояние, отделяющее фигуру от внешнего пространства фона»; 2) ориентация движения предметов в пространстве («объекты направляются к нам или удаляются от нас в зависимости от того, воспринимаем ли мы их как постоянно меняющие позицию в пространстве от нас или к нам») [9, с. 10]. С точки зрения Е. Л. Березович, ориентация, направленная на локализацию географического объекта в пространстве, помогает номинатору отражать в создаваемых топонимах связи между собственной фигурой и географическим объектом [2, с. 55]. Локализация географических объектов в пространстве относительно их позиции друг к другу и к субъекту номинации в топонимической системе данного региона имеет следующие атрибуты с соответствующими им топонимами: *верхний, нижний, дальний, ближний, правый, левый, средний, поперечный, северный, южный, западный, восточный, поворотный* и т. п.: р. Верхняя Бухта, р. Верхняя Зинда, р. Нижнешайкино, р. Нижняя Гришкина, р. Нижний Бугуджул и др.

ПОВЕРХНОСТЬ

Чтобы заселить тот или иной участок, человеку необходимо было тщательно исследовать местность. Безусловно, присвоение имени происходило с ориентацией на хозяйственную пригодность объекта либо ее отсутствие, т. е. с позиции прагматической ценности. Концепт «поверхность», как правило, отражает наружную сторону объекта, т. е. сюда относятся почва, водные источники, дно водоемов и т. п. По мнению Л. М. Дмитриевой, в сознании человека выделяются первичные и вторичные «бытийные ценности». К первичным она относит воду (жизненно важный компонент), землю (удобная для выращивания хлеба), лес (необходимый для постройки жилища). К вторичным относится уровень бытовых ценностей, имеющих отношение к особенностям быта, специфике хозяйства (охоте, рыболовству, различным видам производства) [6, с. 34 – 35]. Отсюда следует, что данный этап номинации имеет исключительно прагматический характер, а весь процесс именования направлен на фиксацию хозяйственно пригодных черт географического объекта.

Выбор отличительных черт объекта был основан на его ценности в хозяйственном отношении. Такими признаками выступали климатические условия, особенности почвы, качество воды, флора и фауна. По этому поводу Е. Л. Березович замечает, что «... подобная неравновесность привлекала внимание топономастов: для осмысле-

ния некоторых случаев такого типа В. А. Никонов предложил закон «относительной негативности», согласно которому топонимы «негативно» отражают свойства географических реалий, запечатлевая скорее нетипичные особенности последних, чем широко распространенные качества» [2, с. 50]. Стоит заметить, что данный закон приемлем при анализе природных свойств и признаков географических объектов, что является достаточно относительным признаком при характеристике богатств флоры и фауны.

Первопоселенцы селились в основном вблизи водных источников в силу того, что прибрежные земли отличались плодородием, что являлось важным фактором для развития земледелия. Кроме того, реки позволяли добывать воду, которая использовалась в пищу и применялась в хозяйственных нуждах. Также реки служили развитию рыболовства. Таким образом, номинация рек в аспекте их использования с точки зрения бытовой ценности являлась своеобразным сигналом для людей, осваивавших новые места и не имевших опыта взаимодействия с тем или иным объектом. К наиболее распространенным признакам относились следующие: загрязненность объекта, минерализация, скопление солей, проточность, содержание полезных ископаемых и т. д. Характеристика воды и почвы в указанных параметрах представлена следующими категориальными признаками.

Степень загрязненности (проточность): руч. Кочковатый, р. Каменка,

руч. Каменистый, р. Каменка, р. Ямная, г. Лысая, г. Плешатка, р. Песчанка, г. Лысая.

ВРЕМЯ

Исходя из того, что время воспринимается человеком как величина нематериального мира, следовательно, и объекты географического пространства с хронологической точки зрения оцениваются по особым признакам. Одним из таких признаков является последовательность с точки зрения возникновения, т. е. этот признак характерен в большей степени для ойконимов. Главными ориентирами в этой хронологии являются признаки «новый – старый». Если такая характеристика дается относительно гидронима или оронима, то здесь во внимание берутся такие признаки, которые формируются в определенный промежуток времени: высыхание озера, образование водоема искусственного характера, дорога, которая заросла и является старой. Новые населенные пункты возникали возле уже существующих в той ситуации, когда переселенцам, занимавшим территории старожильческого населения, не хватало земель. Прежнее название оставалось без изменения, добавлялся лишь компонент «новый». В этом смысле справедлива точка зрения В. П. Нерознака, что «противопоставление первых компонентов сложного топонима *Старый – Новый* свидетельствует о двух волнах в переселении на новые места [10, с. 179].

Как известно, время имеет непосредственное отношение к человеческому мышлению и отображает измен-

чивость мира. Соответственно, эта величина имеет определенные координаты и точку отсчета, которой выступает настоящее. Появление новых населенных пунктов воспринималось человеком как событие объективного характера и, по мнению В. П. Нерознака, «выражало объективное течение событий и череду условно-договорных точек отсчета» [7, с. 232], что являлось помощью человеку в пространственно-временной ориентации.

Топонимия Забайкальского края с позиции категории времени репрезентируется атрибутами «старый – новый»: пос. Старая Курулга, с. Новоильинск, с. Новотроицк, с. Новопавловка и др.

Завершает словарь список необходимых сокращений и использованная литература, послужившая теорети-

ческой базой при осмыслении этимологии и категоризации топонимического пространства Забайкальского края.

Безусловно, данный словарь – лишь первый этап в деле дальнейшего изучения топонимического пространства Забайкальского края. Хочется надеяться, что данная работа вносит определенный вклад в развитие региональной топонимической лексикографии, а представленная в словаре информация может быть использована для исследования не только в области ономастики, но и в социологии, культурологии, этнографии и т. п. Словарь будет интересен всем, кто увлекается краеведением, топонимическим описанием и лексикографированием топонимов, отмеченных на полиэтнических территориях.

Библиографические ссылки

1. Балабанов В. Ф. В дебрях названий. Иркутск, 1977. 80 с.
2. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. 338 с.
3. Блинова О. И. Лексикографический метод исследования языка // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-3-97) : 3-я Междунар. науч.-практ. конф. 13 – 15 окт. 1997 г. Томск, 1997. С. 148 – 149.
4. Гавар М. Э. Лексикографический метод и его применение в исследовании диалектной синонимии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 11 – 17.
5. Голомидова М. В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.
6. Дмитриева Л. М. Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей (на материале русской топонимии Алтая) // Язык. Человек. Картина мира. Ч. 1. Омск, 2000. С. 33 – 35.
7. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб., 2007. 583 с.

8. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М., 2007. 296 с.
9. Молчанова О. Т. Проприальная номинация в свете когнитивизма // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 7 – 17.
10. Нерознак В. П. Перенесенная топонимия Западной Сибири // Восточно-славянская ономастика / под ред. А. В. Суперанской. М., 1979. С. 179 – 183.
11. Федотова Т. В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2012.

T. V. Fedotova

CONCEPT AND CONCEPTOSPHERE IN THE ASPECT OF TOPONYMIC SPACE SYSTEMATIZATION

The article is devoted to the description of the "Toponymic Dictionary of the Transbaikal Region" published in 2017. A new conceptual and etymological approach to the systematization of toponyms of the Transbaikal region is discussed. The terms of concept and conceptosphere in application to the systematization of any region toponymic space are analyzed. Process of a categorization from a position of structuring a system of toponyms of the region is considered. Fragments of dictionary entries are given in both etymological and conceptual interpretation.

Keywords: onomastics, toponymic dictionary, etymology, categorization, concept, conceptosphere, folk etymology, multi-ethnic territory.

**ИНДИЙСКИЕ ХРАМЫ ДИНАСТИИ ХОЙСАЛА (HOYSALAS) XI – XIV вв.
КАК ПРИМЕР ОТРАЖЕНИЯ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РЕЛИГИИ В ПЛАСТИЧЕСКИХ ФОРМАХ**

Исследование посвящено рассмотрению индуизма как «аутопойетического» феномена в контексте социально-философской концепции Н. Лумана. Рассматриваются аспекты отражения «внешней» и «внутренней» динамики системы религии в пластических формах индийских храмов династии Хойсала (Hoysalas) XI – XIV вв.

Ключевые слова: Никлас Луман, «аутопойетические» системы, индуизм, династия Хойсала, искусство и религия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00847 А

Перспектива изучения обществ и культур Востока, по справедливому замечанию Е. А. Островской, прочно вошла в сферу гуманитарной научной дискуссии [13, с. 83]. Однако понятийная база и методология, принятые в европейской науке, явно или неявно основанной на иудео-христианской традиции и соответствующих культурных стереотипах, требуют поиска иной формы для описания социального бытования религиозных феноменов, относящихся к «национальным религиям» [18, с. 367] или «традиционным религиям» [13]. Так, с этих позиций часто «индуизм предстает логически неорганизованным и бессистемным лишь с точки зрения привычных европейских стандартов» [10, с. 8]. Сам

термин «религия», возникший в латинском языке, связан с контекстами, привнесенными, европейской социальной действительностью. В Индии для обозначения комплекса феноменов, традиционно включаемых в этот термин, применялось слово «дхарма». Индуистское понятие дхарма (Dharma), или точнее, «Санатана дхарма» (Sanatana Dharma) невозможно корректно перевести на русский язык «ввиду отсутствия семантического эквивалента», по замечанию исследователя Л. В. Ивановой, поскольку этимологически это слово происходит от санскритского корня «dhr», который имеет значение «поддерживать, держать, иметь, сохранять» [9, с. 92]. Так, «дхарму» как аналог европейскому слову «религия»

трактуют как «сумму основополагающих концепций и базирующийся на них священный закон» [9, с. 92], «вечная праведность» (righteousness forever) [6, p. 8], «то, на чем держится» [10, с. 180], «долг» [17, с. 190], «религиозный опыт в индуизме» [8, с. 249]. Генезис слова «индуизм» для Индии по одной из версий относится к 6 в. до н. э., его использовали персы для обозначения верований и религиозных практик жителей долины реки Инд (Hindu, санскр. Sindhu) [6, p. 8; 11]. По другой версии термин был применен в 18 – 19 веках европейцами для обозначения культов индийского населения [9, с. 91; 18, с. 174], что было связано с началом изучения англичанами ведийских священных текстов. М. Ф. Альбедиль определяет термин «индуизм» как «верования, которые зародились в Индии в глубокой древности и, видоизменяясь в некоторых чертах, сохранились до наших дней» [10, с. 6]. Индуизм считается национальной религией Индии (свыше 80 % последователей) [11]. Для него характерно отсутствие централизованной организации, а также организации типа «церковь», в нем нет «ересей» (в христианском смысле этого слова), нет ортодоксальной «истиной» веры, единого корпуса священных текстов, зафиксированной официальной доктрины и не наблюдается прозелитизм. Индуизм как национальная (этническая) религия представляет собой, в терминах перспективной концепции Н. Лумана, «аутопойетическую» систему, динамически развивающуюся и различающую себя в

окружающем мире других религий. Несмотря на многоликость, противоречивость и понятийную неоднозначность индуизма как религии, можно отметить несколько аспектов, благодаря которым мы можем назвать индуизм системой, различающей свой внутренний мир от unmarked state (немаркированного пространства) религиозной подсистемы. Выделим четыре таких аспекта: 1) относится к верованиям полуострова Индостан и территориям, исторически испытывавшим влияние культуры Индии; 2) в кажущемся конгломерате верований и практик имеет: а) общие концепты: дхармы, кармы, сансары, мокши; б) единый священный язык – санскрит; в) признание авторитета священных текстов, относящихся традицией к «услышанным» (shruti): веды, брахманы, араньяки, упанишады и «запомненным» (smriti): эпос (Махабхарата, Рамаяна), сутры и пураны; г) сложившиеся институты жречества (брахманы) и учителей (гуру, ачарья); 3) он вписан и «структурно сопряжен» с системой кастовой (профессиональной) дифференциации и присущим ей этико-правовым регламентом; 4) для него характерны толерантность, терпимость и открытость к разным вероисповеданиям, отсутствие законодательного, морального и экономического давления на приверженцев различных религиозных течений. Индуизм как «way of life» – образ жизни – способен аккумулировать самые разнообразные религиозные традиции и описать их как собственную вариацию, когда, как говорил М. Ганди,

«религии – это различные дороги, приводящие к одной и той же цели» и «с точки зрения индуиста, обозначения “христианин” и “мусульманин” – синонимы» [8, с. 10, с. 15].

В отечественном религиоведении были предприняты успешные попытки описать религию Индии на примере буддизма в терминах современной социологии с использованием понятийного и научно-методологического аппарата системной теории Н. Лумана. Е. А. Островская в различных своих работах [14, 15, 16] предлагает концепцию «религиозной модели общества» и аналитическую схему институционализации религиозных систем, адаптируя лумановскую теорию. Хотя изначально социология религии Н. Лумана была выстроена для исследования протестантских христианских общин в Германии, терминология, предложенная исследователем, обладает универсальным исследовательским потенциалом. Н. Луман описывает религию как одну из форм общественной коммуникации, как аутопойетическую систему, спецификой которой является различие известного/знакомого (*faßlichen*) и неизвестного/непостижимого (*unfaßlichen*), в рамках которого происходит внутренняя и внешняя динамика системного развития [3, 4]. Внутренняя динамика системы – это вызревание собственного кода религии, различение системы религии от других общественных феноменов, внутреннее самоопределение ее как системы, в том числе оформление догматики. В кон-

тексте индуизма в самых общих чертах это: эволюция от коммуникации в форме тайны или мистерии, различения знания (*vidya*)/незнания (*avidya*) в период устной передачи традиции в ведический период к постепенной абстрактизации кода – различения трансцендентного/имманентного (например, Брахмана/атмана, Брахмана/множественной реальности) с развитием письменности и утверждением константного контура понятий, таких как сансара, карма, мокша. Концептуализация основных путей достижения освобождения от цепи перерождений: джняна-марга (путь духовного знания), карма-марга (путь деяния) и бхакти-марга (путь почитания). Развитие институтов религиозных профессионалов (брахманов) и мирян, института религиозного образования (ачарьи, гуру).

Внешняя динамика связана с общим культурно-историческим контекстом, взаимоотношением с властью, организационным оформлением религии, возникновением комментариев и дополнений к имеющемуся догматическому ядру, письменной фиксацией священных текстов, саморефлексией системы. Культовые сооружения, также являются одной из форм внешней репрезентации доктрины, саморефлексии, отношений с властью, отражением собственной модели истории, концепции мира и общества, доминанты внутренних аспектов религии. В качестве примера такой концептуализации религии в пластических формах выбраны индийские храмы династии Хойсала (*Hoysalas*) XI – XIV вв.

История Индии после распада державы Гуптов (VI в. н. э.) представляет большую трудность для описания в связи с тем, что субконтинент был разделен на множество мелких государств, которые часто сменяли друг друга в качестве доминирующей власти. Также этот период истории Индии меньше всего обеспечен источниками, что было обусловлено специфическим отношением к историческим событиям, которым придавали «идеальный» или «легендарный» образ. Источниками информации о политическом и общественном устройстве того времени часто становятся трактаты об искусстве и архитектуре [7, с. 259].

Дравидийские государства южной Индии периода 10 – 14 вв. были представлены династиями Пандья (Pandya), Чола (Chola), Ганга (Ganga) и Чалукья (Chalukya). Представители Хойсала (Hoysalas) изначально считались вассалами Чалукьев. С XII века они стали самостоятельной политической властью и контролировали большую часть южного Деккана (Deccan) вплоть до нашествия Малика Кафура в 1311 г., после которого управление территориями перешло в Делийский султанат.

XII век считается периодом расцвета религиозного движения бхакти (bhakti), который был во многом обусловлен учением Шри Рамануджи (Shri Ramanuja), прожившего последние 11 лет на землях Хойсала в Тоннуре (Tonpur). Рамануджа (ум. в 1137 г.) считается основателем движения Шри Вайшнава и идеологом движения

бхакти. Он считал, что знание не является основным средством освобождения от цикла перерождений (сансары). По словам Рамануджи, это было лишь одно из средств, и оно было далеко не таким эффективным или надежным, как чистая преданность, полная самоотдача божеству. Отношения между верующим и богом понимались теперь как личные, а не абстрактно-умозрительные. Устремленность к божественному получила и эстетическую выраженность как любовь к прекрасному богу. Именно в этот период исследователями отмечается взлет храмового строительства и установление регулярных храмовых богослужений [5, р. 401 – 403]. Учение Рамануджи вдохновило правителя Биттидева (Bittideva) Хойсала перейти от Джайнизма к Шри-Вайшнавизму (Shri Vaishnavism). Биттидева изменил имя на Вишнувардхана (Vishnuvardhana) и стал активным покровителем религиозного движения Шри-Вайшнавизм. Он был первым независимым правителем династии Хойсала (годы правления 1108 – 1142). Именно его инициативе принадлежит строительство уникальных храмовых комплексов в Беллоре (Belur), Халебиду (Halebidu) и Сомнатхапуре (Somnathapur), а также утверждение собственного архитектурного стиля «весара» (Vesara), явившегося синтезом дравидийского стиля южной Индии и Нагара, характерного для северных районов. Храм в Халебиду (изначальное название города Dvarasamudra), относящийся к традиции Шри-Вайшнавизма, также явля-

ется символом могущества властвующей династии. Внутри храма находится каменная плита, на которой представлена родословная Хойсала и этапы ее возвышения, а также запечатлена легенда происхождения рода, которую связывали с мифическим героем Сала (Sala), который защитил своего учителя – джайнского монаха Sudattacharya от «yali» – разъяренного полу-льва, полу-тигра. Монах бросил юноше копье с призывом «Hoу, Sala!» – «дерись, Сала!» [1, p.13]. На основе этой легенды была создана эмблема династии – скульптурная композиция «Воин, побеждающий льва», которая является основным мотивом храмовой скульптуры в Белуре. Одна из скульптурных композиций верхнего яруса в храме Chennakeshava в Белуре изображает короля Вишнувардхана, сидящего в центре, справа от него – жена Шантала (Shantala) в сопровождении служанок, слева – духовный учитель Рамануджа с последователями [2, p. 28]. Исходя из композиции, мы можем говорить о союзе власти и веры в историческом контексте того времени. Однако несмотря на то, что Вишнувардхана был последователем учения Рамануджи, он с уважением относился к другим религиозным практикам в своем государстве. Например, на его средства был построен джайнский храм в Шравана-белгола (Shravanabelgola).

В религиозном течении бхакти важным аспектом было утверждение бескорыстного действия, совершаемого ради своего бога, понимаемого как приносимая ему жертва. Память о вои-

нах, погибших ради своего государства, отображена в памятных каменных плитах, называемых «Hero stones». Гибель в бою также трактовалась как жертвоприношение своему богу, как путь к спасению. Такие «камни героев» содержали очень небольшую информацию, но имели устойчивую форму. Они состояли из трех секций: на нижней воспроизводилась битва и сцена гибели героя, на средней – перенесение героя на небеса, в верхней секции мученик изображался сидящим напротив бога. Такие «камни героев» являются уникальными историческими памятниками периода правления Хойсала. Они были найдены на территории современного штата Карнатака, а также в других районах Южной Индии.

Храмы архитектурного стиля «весара» имеют в основании форму многоугольника. Они подняты на платформе и окружены специальной площадкой для ритуального обхода (pradakshina). На уровне глаз расположены скульптурные композиции, иллюстрирующие сюжеты из Рамаяны (Ramayana), Бхагаватапураны (Bhagavata Purana), Махабхараты (Mahabharata), Киратарджуны (Kiratarjuniya). Главными объектами преданного почитания (бхакти) стали три бога – тримурти – Брахма, Вишну и Шива. Именно с течением бхакти связан «взрыв» храмового строительства и установление регулярного храмового богослужения, которого не знал ведийский культ. Эмоциональной доминанте отвечали разнообразие сакральных сюжетов и их художественная проработанность в пластических формах во

внешней декорации храма. Совершив ритуальный обход, созерцая и вспоминая сакральные сюжеты, верующие заходили в основной зал (mandapa) и могли созерцать святая святых (sanctum sanctorum, Garbhagriha), осуществить даршан (darshan), т. е. увидеть образ (murti) бога или святого [10, с. 161].

Обозначив некоторые характерные аспекты феномена архитектурного стиля династии Хойсала, можно обозначить маркеры культурно-исторической формы фиксации религии в архитектурном облике храма:

1) рефлексия священных текстов (Махабхарата, Рамаяна и др.);

2) идея бхакти (эмоционального служения и почитания) как основного пути освобождения;

3) память системы об исторически значимых личностях, героях (Вишнувардхана, Рамануджа, Шантала, «камни героев»);

4) устройство храма, отвечающее требованиям новой формы почитания (регулярные ежедневные богослужения, ритуальный обход, даршан);

5) сохраняется институт религиозных профессионалов – брахманов, совершающих богослужения, и институт мирян, который был существенно расширен за счет демократизации религии;

б) модель истории (легенда о возникновении династии Хойсала).

Опираясь на идеи Н. Лумана, отметим, что религиозная коммуникация как особый вид коммуникации в период господства династии Хойсала был особенно выделен властью, свидетельством чему могут служить многочисленные храмы, построенные в этот период (упоминается 90 храмов, построенных в стиле «весара» под руководством архитектора Яканачари [Jakanachari], и говорится о существовании более чем 1 500 храмов, расположенных на подвластной территории) [2, р. 58]. Религиозная коммуникация в этот период не была чем-то обособленным от политики, социальной структуры общества, законодательной и этической базы, но и не была чем-то статичным. Как констатирует А. С. Тимошук: «Вайшнавизм отражает общие тенденции иных религиозных учений, а именно динамический характер концептуализации вероучения» [19, с. 88]. Видимые свидетельства уникальности религии и ее эволюции как «аутопойетической» системы в ее определенной культурно-исторической форме могут быть выявлены, в том числе посредством обращения к пластическому искусству и архитектурному наследию.

Библиографические ссылки

1. Bose K., Michell G., The Hoysala legacy. Belur, Halebidu, Somnathapura. Jaico Publishing House, 2019. 152 p.
2. Kote N. Jewel box of India. Vol.1. Glories of Beluru and Halebidu. Karnataka, 2018. 139 p.

3. Luhmann N. Die Religion der Gesellschaft. Suhrkamp. Verlag Frankfurt am Main 2002. 364 s.
4. Luhmann N. A systems theory of religion. Stanford university press. Stanford, California. 2013. (Kindle edition). 6403 loc.
5. Thapar R. The penguin history of early India from the origins to AD 1300. Penguin books, 2003. 566p.
6. Viswanathan E. Amazing secrets of the Bhagavad Gita. Rupa publications India. 2019. 299p.
7. Всемирная история : в 6 т. / под ред. А. О. Чубарьян. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. тома П. Ю. Уваров. М. : Наука, 2012. 894 с.
8. Ганди М. Моя вера. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.
9. Иванова Л. В. Индуизм. М. : Моск. тип. j 6, 2003. 544 с.
10. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм : словарь / под ред. М. Ф. Альдебиль, А. М. Дубянского. М. : Республика, 1996. 576с.
11. Дубянский А. М., Канаева Н. А. Индуизм // Большая российская энциклопедия. 2005 – 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3478821# (дата обращения: 09.02.2020).
12. Островская Е. А. Социология религии: введение. СПб. : Петербургское востоковедение, 2018. 320с.
13. Островская Е. А. Теория традиционных религиозных идеологий: методологические возможности и горизонты применимости // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 1. С. 83 – 96.
14. Островская Е. А. Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 374 с.
15. Островская Е. А. Воины радуги. Институционализация буддийской модели общества в Тибете. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 395 с.
16. Островская Е. А. Тибетский буддизм. СПб. : Азбука, 2008. 335 с.
17. Религии мира : справочник. Белфакс, 1994. 464 с.
18. Религиоведение : словарь / под. ред. Е. С. Элбакян. М. : Академический Проект, 2007. 637 с.
19. Тимощук А. С. Концептуальные рамки вайшнавизма // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки, 2016. № 2 (10). С. 85 – 92.

**INDIAN TEMPLES OF THE HOYSAL DYNASTY (HOYSALAS)
OF THE Xith – XIVth CENTURIES AS AN EXAMPLE OF THE RELIGIOUS
SOCIAL SYSTEM DYNAMICS REFLECTION IN PLASTIC FORMS**

The article is devoted to Hinduism as an autopoieticheskiy phenomenon in the context of Luman's social philosophies. The aspects of "external" and "internal" dynamics of the religious system reflection in plastic forms of the XIth-XIVth centuries Hoysal Dynasty's Indian temples are considered.

Keywords: Niklas Lumann, «autopoietic» systems, Hinduism, Hoysala dynasty, art and religion.

УДК 364.6

О. В. Арсенина

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Статья посвящена региональному аспекту актуализации социального служения христианских конфессий в решении социальных проблем прихожан Владимирского региона в начале XXI века. Показано стремление к утверждению христианских ценностей, сохранению собственной идентичности в процессе реализации института социального служения на региональном уровне. Обозначен вектор социального служения Владимирских христианских приходов: православных, католических, протестантских, направленный на социальное и духовное благополучие прихожан. Исследуя заявленную проблему, делается вывод, что социальное служение христианских церквей является отражением поведенческих стереотипов церковного социума, который стремится выполнить миссию социального служения не только посредством проповеди, но и через благие дела.

Ключевые слова: социальное служение, протестантизм, католицизм, православие, межконфессиональный диалог, ценности, социальная помощь.

Шагнув в третье тысячелетие от Рождества Христова, российское общество испытывает острый духовный кризис, связанный с крупными социально-политическими, экономическими, экологическими, религиозными и культурными трансформациями. Существующая в настоящее время технологично-потребительская модель развития общества обосновывает необходи-

мость поиска новых стратегий межконфессионального диалога с учетом сохранения преемственности традиций прошлого, соответствующего духовным ценностям: приоритета общего блага, духовного над материальным, всечеловеческого единения, соборности, противостояния злу и насилию и т. д. [2].

Становится очевидным, что только обращение к урокам и опыту собственной истории, ее культуре при учете собственной духовной и религиозной традиции и идентичности даст возможность современному обществу выработать продуктивные векторы дальнейшей актуализации феномена социального служения, представляющего мощный гуманитарный ресурс российского социума, способствующий стабильности и благополучию российских граждан.

Как показывает история, социальная защита граждан работает эффективно лишь в том случае, когда вместе с государственными структурами учреждений социальной защиты населения в работу по социальной защите граждан включаются структуры гражданского общества, в том числе Церковь. Данный тезис подкрепляется в последних выступлениях и постановлениях Президента РФ В. В. Путина, который отмечает, что «...для нас значима каждая созидательная инициатива граждан, общественных объединений, некоммерческих организаций, стремление внести свой вклад в решение задач национального развития и благополучия российских граждан» [9].

Религиозные организации, являясь значимым субъектом гражданского общества, в лице института «социального служения» представляют звено сложного и важного механизма совершенствования социальной политики в отношении социального благополучия граждан в целом и Владимирского региона в частности.

Сегодня социальное служение христианских церквей является отражением поведенческих стереотипов церковного социума, который стремится к исполнению своей миссии не только через прямую проповедь, но и через благие дела, к улучшению духовно-нравственного, а также материального состояния общества. Ради этого допускается взаимодействие с государством, различными общественными структурами и отдельными людьми вне зависимости от их причастности к конфессиям [7].

В этой связи одна из приоритетных задач Церкви – актуализация традиционных и развитие новых форм социального служения, отвечающих вызовам времени и общества, в котором мы живем. Концепт «социальное служение» в современном обществе получил четкую и обоснованную формулировку деятельности Церкви. Социальное служение христианских приходов ведется в различных направлениях: духовном, просветительском, нравственном, психологическом, воспитательном, исправительном, трудовом, образовательном и др. [4, с. 382]

Одновременно социальное служение является личностным служением

ем человека, где реализуются его духовные ресурсы, ценности: добро, вера, милосердие, позволяющие формировать межличностное и межконфессиональное общение, которое в конечном итоге способствует укреплению социального порядка в стране.

Вопрос актуализации диалога в социальном служении христианских церквей Владимирского региона весьма актуален, так как церковь независимо от вероисповедания исторически всегда являлась открытой для общества, воплощением добра и благодати, а также социальной поддержкой прихожан.

Несмотря на то, что характерная особенность Владимирского региона – поликонфессиональность (согласно данным Управления Министерства юстиции РФ по Владимирской области, в 2019 г. на территории было зарегистрировано 409 религиозных организаций, которые принадлежат 16 конфессиям), каждая ведет социальное служение в духе сотрудничества, не вмешиваясь во внутренние формы, методы, целеполагание другой [5, с. 6].

При этом всех их объединяет единство концепта социального служения: привнесение социального и духовного блага, аккумулированного опытом предыдущих поколений, берущих за основу Заповеди Моисея. В настоящее время социальное служение в регионе строится в духе межконфессионального сотрудничества, невмешательства убеждений.

Епархия Владимирской митрополии, являясь участницей областного

фонда социальной поддержки населения, периодически открывает при своих монастырях благотворительные столовые, только за последнее десятилетие их было открыто более 90, ведет сбор денежных средств на оказание помощи нуждающимся прихожанам. Владимирской Епархии за последнее десятилетие удалось собрать более 100 000 рублей на нужды прихожан. С завидной периодичностью во Владимирском регионе открываются новые приюты и богадельни. При Троицком женском монастыре города Муром активно работает патронажная служба. [5, с. 79].

Функцию социального служения в старообрядческих общинах активно ведет волонтерская служба 280 старообрядческих приходов и 4 монастырей, находящихся во Владимирской области. Старейшины, имеющие большой духовный опыт, передают свои духовные ценности молодежи в воскресных школах во время праздников и трапез. Трапезы устраиваются не только в праздничные, но и в поминальные и родительские субботы. Волонтеры из старообрядческой среды помогают больным, немощным, старикам. Часто старообрядческих прихожан можно встретить в местах захоронения старообрядцев, где они приводят в порядок места захоронения единоверцев, устанавливают на могилах умерших старообрядческие Кресты [5, с. 80].

В Армянской общине Владимирского края осуществляется активная благотворительная помощь согражданам. На ее базе функционируют

армянские школы, где ведется воспитание молодежи в духе нравственных ценностей армянского народа, при этом ведется активная проповедь по противодействию возникновению межэтнических и религиозных конфликтов в целях сохранения мира и дружбы [1].

Современная организация владимирских католиков немногочисленна, она насчитывает порядка 200 чел., имеет один приход, названный в честь праздника Святого Розария Пречистой Девы Марии. В приходе регулярно проводятся богослужения, ведется вероучительная работа (катехизация) с вновь приходящими в церковь людьми, организационно-хозяйственная деятельность, курсы польского языка, для детей католиков организуются летние лагеря. Владимирские католики активно участвуют в паломничестве. Спецификой социального служения католиков является работа с молодежью. В этой связи в приходе Святого Розария Пречистой Девы Марии совершаются ежегодные обмены российской и немецкой молодежи, организуемые католическими приходами Эрлангена (Бавария) и города Владимира [6]. Целью подобного паломничества, настоятель храма о. Сергей считает развитие межкультурных связей и пропаганду духовных ценностей Владимирского края на всех уровнях [8].

Основной лейтмотив социального служения католической церкви – принцип справедливости и общественной любви, а в качестве объектов социального служения выступают человеческая личность и общество, где

государству отводится вспомогательная функция, подразумевающая минимум стратегического вмешательства при максимуме конкретной помощи. При католическом Приходе находится монастырь сестер-фелицианок во имя Пресвятого Сердца Иисуса с настоятельницей монахиней Озимек Анциллой, которые помимо катехитических и организационно-хозяйственных дел ведут курсы польского языка. При участии католического прихода для детей католиков ежегодно организуются летние лагеря [6].

Характерной особенностью социального служения в католическом приходе по форме подачи духовно-нравственных ценностей людям разных мировоззренческих взглядов и возрастов является их подача посредством органной музыки во время проведения служебных вечеров. К благотворительной деятельности в храме Святого Розария Пречистой Девы Марии привлекаются дети католиков в рамках проекта «Дети – детям!» [8], где предоставляется возможность не только продемонстрировать свои музыкальные и творческие умения, но и дарить детям из социально неблагополучных семей и детских домов свои поделки. При храме также действует социальный центр, сотрудники которого работают по программам социальной поддержки нуждающимся [3]. Настоятель католического прихода отец Сергей (в миру С. Думнов) – инициатор и создателем межконфессиональной комиссии. Она объединяет представителей 14 религиозных направ-

лений, ведущих совместные мероприятия по обмену опытом и консолидации усилий в решении общественных и социальных проблем региона. В католическом храме ведется социальное служение памяти погибшим за веру и умершим во Владимирском центре.

Существенным образом протестантская концепция социального служения, милосердия и благотворительности отличается от католической и православной, это связано с несколько иным пониманием роли добрых дел в достижении спасения. С протестантской точки зрения спасение достигается не добрыми делами, а верой, поэтому в протестантизме добрые дела – это следствие веры, поэтому с точки зрения протестантизма практическим выражением веры в Бога является любовь.

Анализируя официальные документы современных протестантских церквей Владимирского региона, обнаруживается факт «спасения верой», которая не отесняет «добрые дела», не обесценивает их значимость. Этот аргумент подтверждается серьезным восприятием протестантов своих обязательств перед Богом. Свои обязательства перед Богом они видят в необходимости исполнения божественных заповедей в семье, труде, общественной жизни. При этом заповеди воплощаются протестантами по совести, с полной самоотдачей, усматривая в них высокий смысл для себя, что подтверждается социальным служением протестантских приходов Владимирского региона.

Так, централизованная религиозная организация «Центр христиан веры евангельской пятидесятников «Эммануил» основными мотивами вступления в религиозную общину считает потребность в искреннем и доверительном общении, желании получить помощь в трудные минуты жизни. Следует отметить, что среди прихожан протестантских общин основную часть составляют молодые люди в возрасте 22 – 30 лет, которые руководствуются теми же ценностями, что и православные и католики. При этом прихожане протестантских организаций показывают высокий уровень моральных установок: в социальном служении они осуждают физическое насилие, не допускают употребление спиртных напитков, свободный секс и воровство, употребление наркотиков.

Несмотря на то, что в настоящее время во Владимирской области социальный статус протестантских организаций недостаточно высок, а их благотворительные акции пока носят эпизодический характер, одно из приоритетных направлений их социальной деятельности в регионе – работа с детьми и молодежью, для которых организуются летние лагеря. Активную социальную работу протестантская община проводит с малообеспеченными семьями, в двух суздальских интернатах, осуществляя благотворительные программы. Ее представители проводят занятия в военных частях и тюрьмах, организуют беседы с призывниками в военкоматах, посещают заключенных в тюрьмах [4, с. 139].

Протестантские приходы считают своих адептов, не взирая, на возраст, профессиональную принадлежность, социальное положение и так далее равными перед Богом. Они считают, что каждый христианин – это член тела Христова, который призван оказывать помощь нуждающимся, быть им полезным. Евангельская церковь – это место, где люди открывают свои таланты, дары и призвания, служат обществу, проводят социальные благотворительные мероприятия: рождественские праздники для детей, для пенсионеров организуют праздничные рождественские обеды.

Так же для протестантской модели социального служения характерной особенностью является служение реабилитации: оказание помощи людям, которые попали в наркотическую, алкогольную зависимость либо другую трудную жизненную ситуацию; а также непосредственную работу с созависимыми родственниками. Так как Церковь Иисуса Христа многогранна, протестанты уважительно относятся к представителям других конфессий и поддерживают дружелюбные отношения с ними.

Анализ современной деятельности, направленной на социальное служение конфессий, функционирующих на территории Владимирского края, показал, что феномен «социальное служение» актуальное и востребованное явление. Его концепция и активизация во Владимирском крае в настоящее время на конфессиональном уровне становятся весьма активными, набирают обороты. Большое значение

имеет развитие и усиление межконфессионального диалога. Социальное служение, как показало исследование, способствует сближению людей на фоне духовного и социального благополучия, что, в свою очередь, способствует уменьшению существующих конфессиональных фобий. Идея социального служения, сформированная на общих христианских ценностях, способствует единению приверженцев разных конфессий, помогает находить общий язык через более глубокое осознание единой гражданской идентичности.

Неоспоримую роль в последнее десятилетие социальное служение как способ выражения религиозных ценностей христианских конфессий Владимирских прихожан имеет в решении острых социально-политических проблем общества, налаживании диалога между людьми разных мировоззренческих позиций. Выполняя общую миссию – спасение человеческой жизни – посредством проповеди Евангелия социальное служение оказывает помощь в духовно-социальном, психологическом, реабилитационном оздоровлении людей.

Таким образом, актуализация социального служения показывает, что верующие люди могут значительно влиять на трансформацию системы ценностей россиян, способствовать выходу из цивилизационного, экономического и социального кризиса, поэтому государственным структурам необходимо способствовать его актуализации для возрождения как светских, так и религиозных гуманистических ценностей.

Библиографические ссылки

1. Армянская диаспора Владимирской области (официальный сайт). URL: <http://www.armlus.ru> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Бабосов Е. М., Кирвель Ч. С., Романов О. А. Современный социум: характер и направленность развития. Минск : Четыре четверти, 2013. 728 с.
3. Владимирский костел // Про Владимир. URL: <https://provladimir.ru> (дата обращения: 06.02.2020).
4. Зубанова С. Г., Рузанова Н. П. Русская Православная Церковь в России в XIX веке (социальный аспект деятельности). М. : Мысль, 2011. 386 с.
5. История религий во Владимирском крае (современный период) : монография / Е. И. Аринин [и др.] ; отв. ред. Е. И. Аринин. Владимир : Шерлок-пресс, 2019. 226 с.
6. Лето – это очень хорошо! // Приход Святого Розария Пресвятой Девы Марии (официальный сайт). URL: http://www.hram-vladimir.ru/news/leto_ehto_ochen_khorosho. (дата обращения: 04.02.20).
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mospat.org.ru> (дата обращения: 09.02.2020).
8. Приезд монашествующих // Приход Святого Розария Пресвятой Девы Марии (официальный сайт). URL: http://www.hram-vladimir.ru/news/priezd_monastvujuushhikh (дата обращения: 10.02.2020).
9. Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mospat.org.ru> (дата обращения: 09.02.2020).

O. V. Arsenina

**ACTUALIZATION OF THE SOCIAL SERVICE PHENOMENON
IN THE CONTEXT OF INTERFAITH DIALOGUE (REGIONAL ASPECT)**

The article is devoted to the regional aspect of actualization of social service of Christian confessions in solving social problems of parishioners in the Vladimir region at the beginning of the XXI century. The author shows the desire to affirm Christian values and preserve one's own identity in the process of implementing the Institute of social service at the regional level. The vector of social service of Vladimir's Christian parishes (Orthodox, Catholic, and Protestant) is indicated. It is aimed at the social and spiritual well-being of the parishioners. Investigating the stated

problem, it is concluded that the social service of Christian churches is a reflection of the behavioral stereotypes of the Church society, which seeks to fulfill the mission of social service not only through preaching, but also through good deeds.

Keywords: social service, Protestantism, Catholicism, Orthodoxy, interfaith dialogue, values, social assistance.

УДК 14 (075.8)(35)

Л. Е. Жукова

ПОНЯТИЕ ДХАРМЫ В ПОЭМЕ «БХАГАВАД-ГИТА»

Статья посвящена рассмотрению значений полисемантического термина древнеиндийской философии «дхарма» в поэме «Бхагавад-гита». Материалом для изучения послужили толкования термина в переводах поэмы, выполненных В. С. Семенцовым, В. Г. Эрманом, Д. В. Бурбой, Б. Л. Смирновым, Бхактиведантой Свами. В результате исследования автор раскрывает различные значения термина «дхарма» в рамках «Бхагавад-гиты» и делает вывод о необходимости их учета для осмысления содержания данного текста.

Ключевые слова: дхарма, древнеиндийская философия, эпос, закон бытия, нравственность.

Раскрытие множественных, порой противоречивых значений термина «дхарма» в древнеиндийских текстах является важной задачей для глубокого понимания философских основ этих работ, поиска новых подходов к решению моральных и этических вопросов, с которыми сталкивается современное общество.

Термин «дхарма» – одно из ключевых понятий индийской философии, однако не имеет единого толкования в переводе на европейские языки. Имея в основе санскритский корень «dhar», означающий «держатель», «укреплять» [7, с. 301], он может принимать множество значений. Так, в за-

висимости от содержания текста, его принадлежности определенной философской школе «дхарма» может включать в себя следующие значения: «порядок», «норма существования», «парадигма», «закон», «мораль», «религия», «право», «правда», «благо», «заслуга».

Поэма «Бхагавад-гита» – одно из базовых текстов древнеиндийской традиции. Она представляет из себя часть шестой книги самого известного в мире индийского эпоса «Махабхараты» – «Бхишмапарвы». Принято считать, что основной текст «Махабхараты» начал формироваться в IV – II вв. до н. э., однако в том виде, в каком он дошел

до настоящего времени, сложился приблизительно в IV в. н.э. [8, с. 186]. Что касается датировки «Бхагавад-гиты», то этот вопрос не решен до настоящего времени. Содержанием поэмы является философская беседа между высшим богом Кришной, воплощенным в человеческом теле, и воином Арджуной на поле решающей битвы, происходящей во время войны между двоюродными братьями Пандавами и Кауравами.

Понятие «дхармы» – одно из основных терминов в «Бхагавад-гите». Этот термин пронизывает все содержание диалога между Кришной и Арджуной, и хотя он не находит отражения в каждой главе «Бхагавад-гиты», но требует раскрытия своих разнообразных и не всегда однозначных толкований для понимания основных посылов читателям древнего текста. Так, слово «дхарма» звучит в беседе 39 раз, причем чаще всего оно упоминается в 9-й гл. (4 раза), где Кришна раскрывает суть йоги царственного знания, а также в 18-й гл. (9 раз), где через понятие «дхармы» объясняются различия между видами интеллекта в соответствии с преобладающими гунами материальной природы.

Первая же шлока первой главы «Бхагавад-гиты» содержит термин «дхарма», который представляет здесь одно из названий поля битвы «Дхармакшетра», то есть поле Дхармы. В этой шлоке слепой царь Дхритараштра спрашивает о том, что делают желающие сражаться на «Дхарма - поле, Куру - поле» («dharma-kṣetre kuru-kṣetre».

Другое название этого поля – поле Куру, или Курукшетра, известное с древнейших времен, центр разности деятельности и культуры коренного индийского населения, считается у индийцев священным. Ранее в 1-й гл. «Бхишмапарвы» поле Куру называется также полем Подвижничества (tapāḥ-kṣetra). В комментарии к переводу «Бхишмапарвы» В. Г. Эрман отмечает, что «сопоставление битвы с религиозной аскезой в известной мере подготавливает здесь представление о Курукшетре, поле великой битвы, как о «поле дхармы», то есть битвы за святое дело» [9, с. 83].

Наиболее часто в литературных источниках, таких как «Брихадараньякаупанишада», «Чхандогья-упанишада», «Манава-дхамашастре», встречается трактовка «дхармы» как некоего универсального закона, необходимого для поддержания космического порядка. Так, в переводе поэмы В. С. Семенцова в шлоке 4.8 Кришна говорит: «Появляюсь я в каждой юге, чтоб восстановить погибшую дхарму» [2, с. 21], и далее раскрывает причины восстановления дхармы: «чтобы вновь заступиться за добрых, чтобы вновь покарать злодеев». Противоположностью дхарме выступает адхарма (adharma), в переводе означающее «недхарма», «неправедность», «зло», «беззаконие». В подтверждение этому в шлоке 4.7 мы встречаем выражение: «когда происходит истощение дхармы и возрастает адхарма». Таким образом, «адхарма» понимается как процесс нравственного и духовного упадка в обще-

стве, время, когда зло начинает преобладать над добром. В такой период Высшее Божество воплощается в человеческом облике, чтобы восстановить космический порядок, дхарму.

Понятия «дхарма» и «адхарма» снова противопоставляются в 18-й гл. В шлоке 18.31 через эти понятия Кришна объясняет признаки раджасичного интеллекта, который неверно познает, что есть «дхарма», а что – «адхарма», что В. С. Семенцов переводит как: «Мысль, которая не различает, где закон, а где беззаконье, ... эта мысль полна раджасом» [2, с. 67]. В следующей шлоке Кришна говорит о тамасичном интеллекте, который, напротив, склонен не просто не различить закон и беззаконие, а даже смешивать их.

В гл. 9-й Кришна раскрывает «царственное знание» (*rāja-vidyā*) и царственную тайну (*rāja-guhya*), упоминание о которых не обходится без термина «дхармы». Так, он утверждает, что это знание, в конечном итоге ведущее к освобождению от страданий, обязательно соответствует дхарме. В шлоке 9.3 он предостерегает Арджуну, какое наказание ждет людей, которые не знают и не соблюдают этот всеобщий и обязательный для всех закон – они возвращаются на путь сансары и смерти (*mṛtyusaṃsāra-vartmani*).

Понятие «дхармы» как «закона» встречается в шлоке 9.21, однако здесь, по-видимому, имеется ввиду не вселенский закон, а некий «тройственный закон» (*traidharma*). В некоторых переводах авторы трактуют данный термин, ссылаясь на три веды, которые

составляют изначальный ведийский канон: «Ригведа», «Яджурведа» и «Самаведа». Так, у Бурбы это звучит как «Приверженные трем Ведам (*traidharmam*), желая исполнения желаний, обретают рождение и смерть» [1, с. 191]. Семенцов также считает, что в данной шлоке речь идет о трех ведах: «они входят в мир смертных, заслуги истратив; так, желая желаний, дхармой трех Вед они движимы, зная лишь плод преходящий» [2, с. 40].

Понятие «дхармы» нередко трактуется как «долг», «система обязательств» человека. В данном контексте одним из наиболее интересных толкований термина дхарма в поэме «Бхагavad-гита» является его употребление в понятии свадхармы (*svadharma*), буквально означаящем в переводе с санскрита «своя дхарма». Как указывает В. К. Шохин в статье «Дхарма» энциклопедии «Индийская философия» [6, с. 374], это понятие введено гораздо раньше написания нашей поэмы, в дхармасутрах, датируемых серединой I тыс. до н. э. В них нормы поведения человека различаются в зависимости от ашрамы – стадии жизни, на которой он находится: ученика, домохозяина, лесного отшельника, аскета. В этих же текстах правила поведения делятся также в зависимости от принадлежности человека к варне – определенной социальной группе. Таким образом, дхарма личности вполне определена его групповым статусом. Это подтверждается в шлоке 2.31, где Кришна говорит Арджуне как представителю варны кшатриев: «рассматривая свад-

харму, ты не должен колебаться, ибо для кшатрия нет ничего лучше праведного сражения».

Противоположным по смыслу значением обладает понятие «парадхарма», означающее «чужая дхарма». В шлоке 3.35 Кришна утверждает, что «лучше своя дхарма, даже несовершенная, чем хорошо исполненная чужая». Далее там же идет особое предостережение об опасности парадхармы, говорящее, что «лучше гибель в свадхарме». Необходимость жить по правилам свадхармы, но не парадхармы, даже «хорошо исполненной», подчеркивается еще раз в шлоке 18.47. Вероятнее всего, такой акцент на призыв жить по нормам своей группы, в частности социальной, обусловлен стремлением правящего сословия поддерживать стабильность варно-кастовой системы, максимально избежать негативных последствий неравенства граждан.

Однако некоторые комментаторы таких утверждений (в частности, Бхактиведанта Свами Прабхупада) убеждают нас в обратном: понятие «свадхармы» актуально лишь для того, кто все еще находится под влиянием гун материальной природы. Тот же, кто достиг соответствующего уровня духовного развития, «развил в себе сознание Кришны», «вышел из-под влияния материальных гун», может выполнять любую работу [4, с. 207].

Понятие «дхарма» также нередко упоминается в философских текстах как синоним слов «праведность», «нравственность», «благочестивое по-

ведение». Шлока 9.31 демонстрирует такое употребление в словосочетании «dharmātmā», буквально означающее того, у кого дух (атман) соответствует дхарме. Бурба переводит фразу «kṣīpraṃ bhavati dharmātmā» так: «[Он] быстро становится праведником» [1, с. 195], также акцентируя внимание на значении дхармы как праведности. В шлоке 12.20 термин дхармы заключен в еще более изысканном выражении: «dharmyamṛta», которое переводят как «нектар дхармы» [2, с. 53], «бессмертную дхарму» [3, с. 88] и даже «амриту дхармичности» [1, с. 259]. Стоит отметить, что используя данное выражение, авторы поэмы демонстрируют явную позитивную окраску термина. Позитивное отношение видно и в утверждении Кришны в шлоке 12.20, что верующие, которые чтят этот «бессмертный нектар дхармы», очень ему дороги.

Дхарма, трактуемая как закон, свод правил поведения, несомненно нуждается в контроле за ее исполнением. В главе, посвященной созерцанию вселенского образа Кришны, Арджуна называет Кришну «защитником дхармы». Следует добавить, что о трактовке «дхармы» как откровения Божества упоминает С. В. Пахомов. Так, в контексте изучения тантрического текста «Маханирвана-тантра» Пахомов говорит о Шиве как «знатоке, распорядителе и организаторе» [10, с. 3] дхармы. В нашей поэме в шлоке 11.18 «дхарма» употребляется в выражении «śāśvata-dharma-goṣṭha», в переводе Семенцова звучащем как «вечной Дхармы храни-

тель нетленный». Кроме контроля за исполнением дхармы Кришна выступает также ее источником, основой (pratiṣṭha). Шлока 14.27 демонстрирует данное утверждение в выражении Кришны: «Я – основа бессмертного и непреходящего Брахмана, незыблемой дхармы и абсолютного счастья». Стоит отметить, что дхарма здесь стоит в одном ряду с такими базовыми концепциями индийской философии, как Брахман, означающий первоначало бытия, а также абсолютное счастье, означающее цель, направление развития личности. Таким образом, она является промежуточным звеном на пути развития человека, неотъемлемым нравственным условием его развития, выход за пределы которого зачастую означает бессмысленную остановку в продвижении вперед на пути освобождения.

Направление развития личности явно демонстрируется в последней главе «Бхагавад-гиты», где понятие «дхармы» предстает еще в одном значении. В шлоке 18.66 Кришна призывает: «Отказавшись от привязанностей ко всем дхармам, найди покровителя во мне одном». Здесь выясняется, что дхарма – не единичное понятие, а множественное (sarva-dharma). И это не означает упомянутые выше «свою» и «чужую» дхарму. По нашему мнению, в данном контексте понятие дхармы употребляется в качестве норм существования. Призыв действовать во имя Кришны, во имя Бога означает не что иное как действовать как сам Бог, действия которого не могут быть без-

законными или безнравственными. Таким образом, Кришна подразумевает, что на определенном этапе понятие дхармы для личности, близкой к конечной цели – освобождению – должно исчезнуть.

В поэме термин «дхарма» употребляется и как одна из пурушартх – основных задач человеческого существования, в которые также входят задачи приобретения (artha), удовольствия (kāma) и освобождения от страдания (mokṣa). Так, в шлоке 18.34 упоминаются лишь три из четырех задач, причем в одном сложном слове «dharma-kamārthan». Речь в этой шлоке идет о раджасичном упорстве, которое, хотя и стремится к выполнению целей существования, но из-за привязанностей к плодам своих действий находится далеко от достижения четвертой задачи: освобождения (mokṣa). Об использовании «дхармы» в составе формулы четырех жизненных ценностей (saturvarga) говорит и Пахомов, отмечающий, что в «Маханирвана-тантре» термин «дхарма» в составе пурушартхи используется 12 раз, всегда стоит на первом месте и принимает значение «праведности».

Стоит отметить, что некоторые сложности вызывает толкование понятия «дхарма» в шлоке 2.40. Скорее всего, смысл шлоки раскрывается только при рассмотрении ее в совокупности с предыдущей шлокой 2.39, где речь идет о мудрости, необходимой для освобождения от уз кармы. В шлоке 2.40 «дхарма» означает «действие», «занятие». С учетом такой

трактовки становится ясен смысл перевода Бурбы: «Даже малая толика этой дхармы спасает от великого страха» [1, с. 62].

Итак, анализ понятия важнейшей категории индийской философии «дхарма» в рамках даже одного, сравнительно небольшого текста показывает, насколько данная категория является многозначной. Так, «дхарма» трактуется в «Бхагавад-гите» как универсальный закон бытия, закон трех Вед, долг, система обязательств, праведность, нравственность. Помимо этих значений, понятие «дхармы» включает в себя одну из основных задач человеческого существования индийской философии. Множественные оттенки термин «дхарма» приобретает во вве-

денных в поэме понятиях «свадхармы» и «парадхармы». Вместе с тем не все толкования термина поддаются четкой трактовке, так, шлока 2.40 демонстрирует трудности перевода «дхармы», который становится возможным только в контексте предыдущего содержания.

Невозможно переоценить значение содержания древней поэмы «Бхагавад-гита» как для формирования древних философских систем, так и создания актуальных подходов для решения широкого круга проблем современного общества. Стоит надеяться, что ее бесчисленные исследования приближают к пониманию системы взглядов древних восточных мыслителей.

Библиографические ссылки

1. Бхагавадгита / пер. с санскрита Д. В. Бурбы. М., 2009. 560 с.
2. Бхагавадгита / пер. с санскрита В. С. Семенцова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbmxiZWxmb25kMjR8Z3g6NjA5ZGVlY2EzZTYxZjY4Ng>, свободный. Яз. рус.
3. Бхагавадгита / пер. с санскрита Б. Л. Смирнова. Ашхабад, 1978. 257 с.
4. Бхагават-гита как она есть : пер. с англ. / А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. М., 2019. 976 с.
5. Ганди М. Истинная Курукшетра / пер. с гуджарати В. Десай ; пер. с англ. М., М. Катрычева, 2017. 79 с.
6. Индийская философия : энциклопедия / М. Т. Степанянц (отв. ред.) ; Ин-т философии РАН. М., 2009. 950 с.
7. Кочергина В. А. Учебник санскрита : учеб. для высш. учеб. заведений М., 1994. 336 с.
8. Культура древней Индии / А. В. Герасимов (отв. ред.). М., 1975. 429 с.
9. Махабхарата. Книга Шестая. Бхишмапарва / пер. с санскрита В. Г. Эрмана. М., 2009. 480 с.

10. Пахомов С. В. Понятие дхармы в Маханирвана-тантре // Вопросы философии. 2018. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1935&Itemid=52, свободный. Яз. рус.

L. E. Zhukova

THE NOTION OF DHARMA IN THE POEM «BHAGAVAD-GITA»

The article considers the meanings of polysemantic notion of ancient Indian philosophy – "Dharma" in the poem «Bhagavad-gita». The study was based on the interpretation of the term in the translations of the poem made by V. S. Sementsov, V. G. Erman, D. V. Burba, B. L. Smirnov, and S. Prabhupada. Due to the research, the author reveals the various meanings of the term "Dharma" within the «Bhagavad-gita» and concludes that they should be taken into consideration in order to understand the content of this text.

Keywords: Dharma, ancient Indian philosophy, epic, the law of life, morality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДРАХМАНОВА Кулсун Халыковна – кандидат филологических наук
ассоциированный профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая г. Алматы
m.ertaeva@mail.ru

АБИШЕВА Клара Мухамедияровна – доктор филологических наук профессор
кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин университета «Туран-Астана» г. Нур-Султан
m.ertaeva@mail.ru

АЙКЕНОВА Рыскельды Айкеновна – доктор педагогических наук
профессор кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин университета «Туран-Астана» г. Нур-Султан
m.ertaeva@mail.ru

АКАШКИН Михаил Михайлович – кандидат филологических наук
доцент кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
akashkinmm@yandex.ru

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Сто-
летовых
eiarinin@mail.ru

АРСЕНИНА Ольга Владимировна – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Сто-
летовых
kafedra-fir@mail.ru

БАБУЛЕВИЧ Светлана Николаевна – кандидат филологических наук
доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта
SBabulevich@kantiana.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЕРТАЕВА Марал Кабдрашевна – магистр педагогических наук
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и языковых дисциплин
университета «Туран-Астана» г. Нур-Султан
m.ertaeva@mail.ru

ЖУКОВА Любовь Евгеньевна – кандидат экономических наук
главный государственный налоговый инспектор межрайонной инспекция ФНС
по КН № 6
zhukowa@yandex.ru

КУЗЕННАЯ Татьяна Федоровна – кандидат педагогических наук
доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета
им. И. Канта
TKuzennaya@kantiana.ru

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор
ведущий научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных
коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН
tlabutina2007@yandex.ru

ЛАПШИН Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук
доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых
lapshin-lapshin@mail.ru

ЛЕВИНА Наталия Николаевна – кандидат филологических наук
доцент кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева
LEV.NataliyaN@yandex.ru

ЛЕШКОВА Наталия Викторовна – кандидат филологических наук
доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского институ-
та иностранных языков
nataleshkova@yandex.ru

ЛЮТАЕВА Мария Сергеевна – аспирант кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
liutaeva@yandex.ru

СКОРОБОГАТЫХ Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Центра изучения стран Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании Института востоковедения РАН
arhip2212@yandex.ru

ФЕДОТОВА Татьяна Васильевна – доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Кубанского госу-
дарственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина
Fedotova66@mail.ru